

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века

I. Повесть о куре и лисице

I

В сороковых годах XVII в. царский стольник Иван Бегичев поспорил однажды на охоте со своим спутником, разойдясь с ним в толковании библейского текста — «и показа ему господь задняя своя». Спор задел Бегичева настолько серьезно, что он ответил позже своему собеседнику специальным посланием, сохранившимся в двух списках XVII в. Цель послания «свободити» себя от «нововоздвигаемого гнева и негодования и бестудного поношения и без правды еже оклеветания», от обвинения в том, будто бы он «возмог тако рещи, что божие на землю схождение и воплощение не было, а что ни было, то все действие ангельское». Автор послания всячески подчеркивает свое согласие со всеми догматами православной веры, с осуждением вспоминает еретиков до Федора Курицына и протопопа Алексея включительно. Укоряя своего адресата, Бегичев пишет, между прочим, что тот вместе со своими сторонниками «нимало отчасти искусен в божественных писаниях. . . все вы кроме баснословные повести, глаголемые еже о Бове королевиче и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже о куре и о лисице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писем, — божественных книг и богословных дохмат никаких не читали».¹

¹ Текст Послания изд. А. И. Яцимирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. Чт. ИОИ и ДР, 1898, и отд. стр. 1—13. Датируя послание второй четвертью XVII в., Яцимирский основывается на следующих данных: «Рукбпись, в которой издаваемое Послание открыто, — середины XVII в., следовательно, оно написано не позже этого времени. Во-вторых, все лица, носящие имя и фамилию автора Послания, фигурируют во второй четверти XVII в., В третьих, в Послании два раза упоминается «стаибник» адресата, некто Никифор Восейков с товарищи; повидимому, это указание самое ценное. Никифор Прокофьевич. . . начал свою службу при царе Михаиле Федоровиче и в Разрядных записях значится стольником». После

Это замечание Ивана Бегичева интересно для нас упоминанием повести о куре и лисице, списки которой встречаются не ранее начала XVIII в. Говоря о ней, как о чем-то общеизвестном, Бегичев тем самым дает опорный пункт для датировки этого памятника: по всем историческим данным, которые встречаются в Послании, его относят ко времени не позже 1643 г.; отсюда следует, что и повесть о куре и лисице во всяком случае не моложе этого времени, скорее ее придется отнести к несколько более раннему периоду, чтобы стала понятной ссылка на нее, как на образец, хорошо знакомый читателям.¹

Исходя из этого хронологического указания Бегичева, проверим, соответствует ли тематика повести о куре и лисице исторической обстановке первой половины XVII в. Естественно, что анализу этой темы должна предшествовать история текста повести, так как литературный памятник, существующий в рукописях XVIII в., печатных изданиях, лубочных картинках и устных сказках под именем повести, сказания или истории о куре и лисице, дает нам очень сложную картину своей жизни в читательской среде. Он постоянно развивался, вскрывая нам в течение трех веков своего существования картину последовательных изменений в классово-эстетическом сознании читателей, отлагавшемся в словесном творчестве, и далеко не все его разновидности могут быть отождествлены с предполагаемым памятником первой половины XVII в.²

Все рукописные тексты повести о куре и лисице разбиваются отчетливо на три группы — тексты прозаические, стихотворные и смешанные. Все списки относятся к XVIII в., один отрывок к началу XIX в. В прозаической редакции мы имеем вполне цельное и законченное изложение темы:

1644 г. он жил уже не в Москве (Яцимирский, стр. III—IV). Теми же сороковыми годами датирует Послание И. Забелин, который считает адресатом Бегичева стольника С. Л. Стрешнева (Заметка о послании И. Бегичева. Археол. изв. и зам. 1899, № 1—2, стр. 1—8; то же: История города Москвы, М., 1902, стр. 395—397).

¹ Указание Послания Бегичева на хорошее знакомство русских читателей в первой половине XVII в. с повестью о Бове совпадает с наблюдением Н. П. Лихачева: прозвища Бова, Лукопер, заимствованные из повести о Бове, были известны на Руси в конце XVI и начале XVII вв. (Любопытные прозвища. Библиограф, 1893, № 2—3, стр. 157—159).

² Литературные повести о куре и лисице не исследованы: беглые замечания об этом памятнике находим у А. Веселовского (Ист. русск. словесности А. Галахова, изд. 2, 1880, стр. 510), определенно называющего повесть «отрывком германо-романского животного эпоса, приходившего к нам», и у А. Пыпина (Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских, стр. 292), который характеризует стихотворную повесть о куре и лисице, вместе с помещенными в том же сборнике увеселительными жартами, как «последнейшие обработки старинных новелл, перешедших в польскую литературу из немецкого или французского источника», и отмечает перепечатку некоторых из них в «Старичке-Весельчаке» и в лубочных картинках.

лисица приглашает кура спуститься к ней и покаяться, затем обличает его в грехах; кур оправдывается, приглашает ее в просвирни, и, наконец, лиса съедает его. Тема изложена прозой в виде диалога с тремя небольшими вставками рассказа от лица автора. Отдельные части диалога соединяются короткими фразами: «рече кур к лисице», «ответца лисица» и т. д. Прозаическая редакция представлена следующими списками:

1) Забелина, 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 51—55 — «Сказание о куре и о лисице». Нач.: «Стоит древо высоко. . .»

2) Гос. Исторического музея в Москве № 669, перв. четв. XVIII в., лл. 416—419 — «Сказание о петухе и о лисице, како лисице прелсти петуха и предав смерти». Нач.: «Рече лисица курю. . .»

3) Житомирский сборник Библиотеки Украинской Академии Наук, нач. XVIII в., лл. 87—91 — «Сказание о куре и о лисице, как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила». Нач.: «Приде в некое время лисица. . .»

4) Гос. Исторического музея в Москве № 3215, XIX в., отрывок, лл. 17 об.—18 об., без начала: . . .« хотя ево схватити и жива проглотити. . .»

Отличительный признак второй — стихотворной редакции — выдержанная стихотворная речь, добавление длинного диалога в начале — кур допытывается узнать имя лисицы, затем обвиняет ее в том, что она крадет кур, — и отсутствие заключительного рассказа о приглашении в просвирни. Списки стихотворной редакции:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде Q. XIV. 27, около 1742 г., лл. 32—52 — «История о прекрасном куре доброгласном, как он приде на покаяние к лисице к премудрой духовнице». Нач.: «Настоящего нынешняго века. . .»

2) Библиотеки им. Ленина, собр. Лукашевича № 46 (б. Публ. музея, № 1194), 30—40-х гг. XVIII в. — «История о звере и птице, нарицаемом петухе и лисице, како лисица петуху путь покаяния благовестила». Нач.: «Настоящего нынешняго века. . .»

3) Забелина, 536, второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. — «Повесть изрядная о куре и о лисице, како его прелстила лисица». Нач.: «Настоящего сего нынешняго века. . .»

4) Забелина, 500, около 1762 г., отрывок — лл. 6—8 об.

5) Библиотеки Академии Наук СССР (б. Археогр. ком.) № 162, 20—30-х гг. XVIII в., лл. 53—73 — «Повесть зело пречюдна о куре и о лисице». Нач. «Настоящего сего нынешняго века. . .»

6) Собр. Мазурина № 755, XVIII в., лл. 1—13, без начала; первые слова: «Кур же видев ея мало возвеселился...»

Третью группу составляют списки, объединяющие части обеих редакций — называю в дальнейшем их смешанными:

1) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 174—185 — «Повесть о куре и о прекрасной лисице». Нач.: «Был человек неки, жил долгия веки...»

2) Гос. Публ. библ. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в., лл. 98—111 — «Повесть о куре, то есть петухе и лисице». Нач.: «Близ города Казани в некоей роши...»

3) Забелина, 536, второй половины XVIII в., лл. 261—265 — «Сказание о куре и о лисице Захарьевне». Нач. «Сидит кур на прекрасном древе...»

II

Сопоставляя между собой все эти списки, мы видим, что стихотворная редакция сохраняет только часть мотивов прозаической, оформляет их во вкусе XVIII в., дает ряд новых эпизодов, не имеющих корней в прозаической редакции; что стихотворную редакцию можно объяснить, как распространение прозаической, но не наоборот: хотя во второй части, где схемы обеих редакций близки, изложение стихотворной длиннее, но эти длины словесного характера; в прозаической редакции нет такого количества словесных украшений, за то фабула в ней развивается яснее. Словом, прозаические списки, очевидно, сохраняют лучше старший вид повести, подвергшейся в стихотворной редакции существенной переделке.

Выделяя из этих прозаических списков повторяющуюся в них схему, которая сохранилась и в прозаической части смешанных текстов, мы получаем следующую предполагаемую фабулу старшей повести о куре и лисице, которую вспоминает в своем Послании Бегичев. К сидящему на «высоком древе» куру приходит лиса и приглашает его принести ей покаяние в своих тяжких грехах. Она зовет его на молитву словами «поучения св. отец к ленивым и не хотящим делати». Не довольствуясь этим поучением, лиса ссылается еще на притчу о гордом фарисее и смиренном мытаре. Умиленный кур спускается на землю и попадает в лапы к лисице. В таком положении между ними завязывается следующий диалог. Лисица корит его текстами из св. писания за многоженство: «Помниши ли ты святыя книги и как в правилах святых отец пишеть: одна жена понять по закону, а другую понять для детей, а третью понять чрез закон прелюбодеяние [ради]. А ты, лихой человек, злодей и чародей, законопреступник, держеш ты

у себя много жон, по двадцети и по тритцати и болши». Кур другими текстами из того же источника защищает себя: «помниш ли ты, как в бытиях пишеть: земля стала и нача полнитися, сице плодитесе и роститесе и умножите землю, о сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и пекитесе велми, то будите наследницы царствия небеснаго». Лисица упрекает кура в ненависти к «брату своему», в том, что и к ней голодной у него не было жалости, когда он помешал ей украсть у крестьянина курицу. Кур и евангелием и пословицей оправдывается: «и во святом евангелисте пишеть: не может раб двема господином работать...» Он просит лису о помиловании, вспоминая и заповеди блаженства, и апостола Петра, и царя Давида. Наконец, в виде последнего аргумента, он зовет лису на службу к Крутицкому митрополиту «в просвирни»: «тебе будет добро кануны молить, госпожа моя, сладкия, а просвиры мяхкия, а приходу очень много». Но лисица не поддается на соблазн: «такое сконча живот куру», печально заканчивается повесть.

С точки зрения официального православия XVI—XVII вв., была недопустима такая трактовка религиозных вопросов, какую мы находим в этой схеме повести о кура и лисице. Образ исповедницы, которая зовет к покаянию, убеждает словами св. писания, и в то же время таит замысел, ничего общего с этим призывом не имеющий, — так же противоречит христианскому понятию об исповеди, как и кур, евангельскими заветами оправдывающий свое многоженство. Оба героя формально отстаивают свои позиции, и читателю ясно, что автор этим приемом вскрывает глубокое противоречие между теорией, которую оба собеседника берут из одного источника — св. писания, — и их житейской практикой, очень далекой от этих заветов.

В повести о кура и лисице нет, конечно, прямого отрицания исповеди и идеи аскетизма, но очень тонко показана вся внутренняя фальшь представителей официального благочестия. Оба собеседника, аргументируя от св. писания, толкуют его не по существу, а исключительно формально. Особенную ловкость в этом отношении обнаруживает кур, парируя упрек в многоженстве. Ни в какой явной ереси читатели не могли уличить автора повести, но «смехотворная» трактовка вопросов, связанных с идеей о покаянии, о благочестивой жизни, лживый образ исповедницы — все это рисует нам автора, как человека, затронутого тем «вольномыслием», которое допускало критическое отношение, если не к религиозной теории, то, по крайней мере, к ее практике. Возражений по существу против самой исповеди наш автор не делает, но исповедника он изображает явно издевательски. Ника-

кого привычного пиетета к представителю высшей церковной иерархии не чувствуется и в заключительном эпизоде повести: приглашение на службу к Крутицкому митрополиту, соблазн «канунами сладкими и просвирами мягкими» — все это выполнено в тонах тех «смехотворных» писем, о которых с таким презрением говорит Иван Бегичев, подчеркивающий свое правоверие.

Существовала ли в первые десятилетия XVII в. когда, судя по словам Бегичева, должна была уже сложиться повесть о куре и лисице, благоприятная обстановка для развития такого «вольномыслия», какое отражается в нашей повести?

Весь экономический уклад русской жизни в первой половине XVII в. выдвинул политическое значение двух классов — поместного дворянства, в лице среднего и мелкого служилого сословия, и городской буржуазии. Экономические интересы объединяли их и влекли к борьбе с остатками старой феодальной знати, крупного землевладения, как это особенно отчетливо обнаружилось в конце Смуты. Перерастая старый порядок, новые общественные группы вырабатывали на почве новых производственных отношений и новую идеологию, для которой многое в старом мировоззрении, как и в старых нормах общественного строя, представлялось вредным и враждебным. Истощив свое содержание в разных сторонах экономики и политики, эти нормы обратились в противоположность и в области религиозной идеологии. Конечно, значительная часть консервативных общественных групп продолжала и в этой сфере держаться еще прочно старого порядка. Вспомним хотя бы для примера судьбу архимандрита Дионисия, Арсения Глухого и священника Ивана Наседки, правивших текст Потребника и исключивших в молитве на водоосвящение слова «и огнем»: их пытают, заключают в темницу, обвиняя в том, что они хотели «вывести огонь из мира». Арсений Глухой метко характеризует сущность мировоззрения своих обвинителей: «неискусившиеся смотрят только на строку и на буквальную речь и рассуждают: это так, оказывается же совсем не так... они божественные писания по чернилу проходят, смысла же писаний не стараются уразуметь».¹

Но такое формальное отношение к церковно-религиозным вопросам не было уже в XVII в. всеобщим. Религиозное «вольномыслие», хотя и не в форме резко выраженных ересей, т. е. полного отрицания внешней обрядовой стороны религии, как мы видим это в XVI в. (Феодосий Косой, Башкин, позже кн. Хворостинин), но все же в форме более свободного отноше-

¹ Макарий. История русской церкви, т. X. стр. 184. 189.

ния к вопросам обрядности, захватывает в XVII в. целые группы и именно те, которые и политически были прогрессивными, для своего, конечно, времени. Известно, напр., как равнодушно отнеслись московские служилые круги к вопросу о перемене веры королевичем Владиславом, кандидатом на московский престол. По меткому выражению М. Н. Покровского, для них «ходячей истиной стал афоризм Пересветова — правда выше веры — политика у них шла впереди религии». Те же московские дворяне в 1610 г. в своем обращении с патриархом Гермогеном выказали себя очень далекими от «крепких» православных, для которых патриарх в то время был почти божественной особой: когда Гермоген вышел их усовещевать, они, по словам современника, «ругахуся ему всячески, пинали его сзади, бросали ему в лицо грязью, хватали его за грудь и трясли».¹ Упадок почтения к старой обрядности именно среди служилых людей отмечает в 1622 г. патриарх Филарет, когда он пишет с упреком Киприану, архиепископу Сибирскому и Тобольскому: «в сибирских городах многие служилые и тамошние люди живут не по-христиански, не по преданиям св. апостолов и св. отцев, а по своим скверным похотям. Многие русские люди . . . крестов на себе не носят и постных дней не хранят, пьют и едят и всякие скаредные дела делают вместе с бусурманами».² Среди этих служилых людей, как говорит далее грамота, было много приезжих из Москвы.

В атмосфере таких настроений по отношению к вопросам церковной обрядности возникали и новые литературные потребности, создавалась литература, по новому трактовавшая старые вопросы. Достаточно вспомнить хотя бы для примера повесть о бражнике, в XVII в. уже занесенную в индекс книг истинных и ложных среди запрещенных сочинений.³ Подобно героям повести о куре и лисице, бражник пользуется текстами св. писания «смехотворным» образом: защищая себя, он по очереди оспаривает право на пребывание в раю апостолов, святых, ловко приспособляя для своей цели различные эпизоды из их жизни, зафиксированные в ветхом завете, евангелии или житиях святых. В итоге все отходят посрамленные, а бражник садится в раю на лучшем месте и издевается над святыми, изумленными такой дерзостью: «святи отци, не умеете вы говорить з бражником, не токмо что с трезвым».⁴

¹ М. Н. Покровский. Русская история, т. II, стр. 203.

² Макарий. История русской церкви, т. XI, стр. 36.

³ А. Пыпин. Для объяснения статьи о ложных книгах. Летопись зан. Археогр. ком., вып. 1, 1861, СПб., 1862, стр. 39 — ркп. б. Румянцевского музея, № 362, XVII в.

⁴ Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, СПб., 1860, вып. II, стр. 477—478.

Хотя эта повесть, повидимому, не оригинальная, а занесена к нам с Запада,¹ но самый факт усвоения ее русской средой в это время говорит о наличии подходящих условий для подобного заимствования в идеологии какой-то части русского читающего общества. Это и была именно та, зараженная «вольномыслием», часть, которая допускала критику разных сторон существующего строя, в том числе и стороны церковной. Трудно связать это течение русской общественной мысли первых десятилетий XVII в. с каким-либо одним классом: вольнодумцы выходили из разных социальных слоев, но по преимуществу в данную эпоху им были заражены, видимо, средние служилые элементы, борющиеся за первенство значения с высшим боярством, с остатками уже сильно разгромленной к этой поре крупной землевладельческой знати. Близко столкнувшись во время Смуты с пришлыми иноземцами, они через них получают знакомство с новыми явлениями западной жизни вообще и, в частности, жизни литературной. Через этих иноземцев, возможно, дошел до русского читателя западный анекдот о крестьянине или мельнике, препирающемся у дверей рая со святыми, которые его туда не пускают. Найдя отклик в мировоззрении русского читателя этого времени, анекдот был переработан им: героем — в противовес ортодоксальной литературе против пьяниц — сделан был торжествующий пьяница; официальная церковь повторяла в это время на все лады, что «пьяницы царствия божия не наследят», а бражник не только входит в рай, но даже занимает в нем лучшее место и делает это, опираясь на «смехотворное» толкование св. писания.

Как видим, общее направление повести о бражнике совпадает с повестью о куре и лисице: обе повести — сатиры на формальное благочестие, везде — прием один и тот же: смелое обращение с авторитетом св. писания, издевательство над представителями официального благочестия. Даже форма диалога с однообразными, связывающими его части, фразами обща обоим повестям.

Если анекдот о бражнике был своеобразной переработкой западного источника, то и для повести о куре и лисице мы можем указать тот круг литературных образцов, которыми была навеяна, вероятно, самая форма повести. В 1607 г. переводится с польского языка Гозвинским сборник басен Эзопа (см. рук. Гос. Публ. Библ. им. Салтыковского-Щедрина F. XIV. 5). Здесь в числе 14 басен о лисице и 4 о петухе — есть басня, схема которой и даже некоторые детали напоминают повесть о куре и лисице: это басня

¹ А. Веселовский. История русской словесности А. Галахова, изд. 2, СПб., 1880, стр. 498—500 и М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, 1924, стр. 243.

«о коте и алектрионе». В роли обличителя петуха в басне является кот, который, как лисица в повести, укоряет петуха за многоженство. На все оправдания петуха в басне кот отвечает: «Но аще ты многи благообразныя собираеши ответы, аз же гладен сый и не жду сего. И тако снеде его». В параллель этому, повесть заканчивается следующими словами: «Ты на то надеешься, что грамоте горазд и отвещати умееш, и тем тебе не отговоритися, повинен ты еси смерти... я теперь сама голодна, хочу я тебя скушать... и тако сконча живот куру» (Забелин, 596).

Это сходство построения охватывает все варианты прозаической повести. Конечно, в оригинале XVII в. повесть напоминает басню лишь общим замыслом — сделать героев зверями и изобразить кура обвиняемым в грехах: идеологическая установка повести и продиктованное ею словесное оформление диалога кура и лисицы сделаны совсем не в басенном стиле. Сообразно с замыслом — изобразить лису исповедницей, особой духовного звания, ее язык особенно насыщен старой литературной традицией. Восхваляя голос кура, она говорит: «коли запоеш, аки в трубу златокованную затрубиш» (Забелин, 536 и др.), как в Молении Даниила Заточника — «Вострубим яко во златокованныя трубы».¹ Ставя куру в заслугу то, что он будит людей от сна, лисица повторяет отмеченный мною выше отрывок из русского поучения «к ленивым и не хотящим делати», встречающегося в составе поздней редакции Измарагда XVI—XVII вв. и отдельно в сборниках среди повестей (см. ркп. Библ. им. Ленина, б. Рум. № 363):

Забелин, 536

П о у ч е н и е [Пам. древне-русск.
церковно-учит. лит. вып. III,
СПб., 1897, 93—94.]

Помнишь ли ты, чадо, как во святых книгах пишет: не долго спите и не долго лежите, вставайте рано, молитесь богу, да не ввидете в напасть. Також и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть, горя не избыть, чести и славы не нажить,

Не долго спите, не долго лежите, вставайте рано, ложитесь поздно, молитесь богу, да не ввидете в напасть, яко же рече господь. Лежа добра не видати, а горя не избыти, и спасение не получитьи, бога не умолити и грехов не очистити, чести и славы не получитьи, цветных риз не нашивати, медвеного пития не пивати, и сладкого брашна не ядати. Безумному и ленивому и невластанливому добрым мужем

¹ Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам Л., 1932, стр. 4.

красных риз не носить, медовые чаши не слывати, и господином в дому не не пить, слаткого куса не есть, умному бывати и во власти себе не видати, не быть, в дому господину не слыть, к богу и ко князю и к государю милым власти не видать, князям милу не быть. не бывати.

Ссылками на св. писание пестрят и обличения кура в грехах. Да и сам кур, оправдывающий себя, вставляет в свою речь немало этих цитат и даже в лирических мольбах о пощаде не миновал литературной реминисценции: словами князя Глеба, обращенными к его убийцам (во всех пространных житиях), он просит лисицу: «не отжени класу незрелова, не пролей крови неповинныя напрасно» — ср. в житии: «нѣ пожнете класа незрела, аще ли прольяти кровь мою хочете».¹

Но рядом с этим, как только тема приближается к бытовым мотивам, автор переходит на разговорную речь. В таком стиле выдержан и рассказ лисицы о злоключениях ее во время голода, и приглашение ее к Крутицкому митрополиту в просвирни. Есть в этой разговорной речи и элементы устной поэтической традиции, вроде выражений — «сахарные уста», «Не сули журавля в небе, дай синицу в руки» (ср. пословицы Петр. Гал., № 517 — Библ. Акад. Наук), «По которой реке плыть, по той и славу творить» (Симони, 1, № 2020), но вообще то обстоятельство, что повесть дошла до нас только в списках XVIII в., очень затрудняет детальный стилистический анализ ее. Без особой натяжки к оригиналу XVII в. мы имеем право отнести те чтения, которые согласно повторяют все списки прозаической редакции, а иногда даже и стихотворной и смешанной, в более или менее исправном виде. Что же касается индивидуальных особенностей отдельных списков, то следует с большой осторожностью относиться к вопросу о древности их. Однако, если даже исключить эти возможно поздние добавления, все же нельзя не заметить, что оригинал повести о кура и лисице уже при самом своем создании оформлялся, так сказать, в двух планах: все то, что раскрывало основной замысел автора — насмешку над представителями официального благочестия — изложено в старой литературной манере, с неизбежной цитацией авторитетных источников, с сохранением старого книжного языка; все бытовые детали повести передаются живой разговорной речью, с характерными для XVII в. элементами устно-поэтического языка.

Такая двойственность языка повести не противоречит предположению, что памятник вышел из среды служилого класса первой половины XVII в.,

¹ С. Бугославський. Пам'ятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Гліба. Київ, 1928, стр. 12.

и притом — московского. Что автор повести был москвич, об этом свидетельствует весь эпизод с приглашением лисицы в просвирни к Крутицкому митрополиту: сведения о Крутицком митрополичьем доме в Москве и о живших в нем митрополитах мы имеем в достаточном количестве уже с первой четверти XVII в., в XVIII в. этот дом именуется обычно не митрополичьим, а «архиерейским».¹ В среде московского служилого класса, достаточно показавшего в первой половине XVII в. свое более свободное отношение к вопросам церковной обрядности, и могла создаться сатира — повесть о куре и лисице. Люди по своему времени иногда очень начитанные, они могли знать те старые литературные памятники, отголоски которых слышатся в речах кура и лисицы, но в то же время, смелые в отношении к церковным вопросам, они и в области литературного языка могли обнаружить некоторую смелость, все чаще и чаще наблюдаемую нами в литературе XVII в.: живая разговорная речь энергично пробивается в эту эпоху сквозь привычный слой старого славяно-русского книжного языка, и это течение особенно ясно обозначается в языке повестей XVII в., не только созданных в эту пору заново, но и в переработках старых переводных и оригинальных повествовательных сюжетов.

Гадать, почему от XVII в. мы не имеем ни одного списка повести о куре и лисице, трудно. Возможно, что слишком сильно было еще в это время сопротивление консервативного большинства подобной литературе. Иван Бегичев, представитель традиционного мировоззрения, говорит о нашей повести как о низшем сорте литературы, недостойном внимания серьезного читателя. И повесть о бражнике очень редко встречается в списках XVII в. Обе повести, видимо, прятались где-то в любительских сборниках и выплыли тогда, когда первоначальная острота их замысла была забыта, и сами они стали рассматриваться как занимательное чтение. С историей повести о куре и лисице в этот период, т. е. в XVIII в., мы знакомимся уже по определенному письменному, а позже и печатному материалу.

Списки прозаической редакции повести о куре и лисице, сохраняя фабулу, стилистически сравнительно свободно обращаются с текстом старой повести. Те изменения, какие мы в них наблюдаем, клонятся обычно к еще большему приближению языка к живой разговорной речи, к усилению занимательности повести, а не ее сатирического замысла. Отсюда украшение речи новыми пословицами, которые варьируются по отдельным спискам — см. в сп. Забел. 536. — «одному господину служить, а другому не грубить»

¹ И. Забелин. Материалы для истории и археологии г. Москвы. Ч. I, стр. 852; ч. II, стр. 727.

добавлено к обычному книжному аргументу, повторяющемуся во всех списках, «не может раб двема господином работать» (ср. пословицу «другу дружи, а другому не груби», Пословицы 1779 г. Библ. Укр. Акад. Наук); или «Не сули мне в год, сули в рот», отвечает лисица на обещание платить ей каждый год оброк — в стиле поговорочного выражения, вариант которого читаем в тексте Кабацкого праздника: «люди в рот, а ты глот».¹

В списке Государственного Исторического музея № 669 прибауточная речь пробивается особенно заметно. «Я-то такова, что растовская дуда», говорит здесь о себе лисица, совсем не в духе первоначального замысла, согласно которому она была «преподобная мати-лисица»; окончание повести в этом списке переработано в стиле специфически сказочной прибауточной концовки: «Петуху вечная память, попу корова, дьячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублей в мошню, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево» (аналогичное окончание имеем в смешанной редакции в списке Забелина, 536) — ср. сказочные концовки: «Рассказчику сказку, а мне кринку масла, тебе камешек, а мне денежек мешок», «тебе сказка, а мне кренделей связка, тебе уголек, а мне денег уголок, тебе курица, а мне денег улица», «Вот тебе сказка, а мне кринка масла».² «Тем сказке конец, а мне водочки корец», «Сказке конец, а мне меду корец».³

Наконец, в начале XIX в. повесть о куре и лисице в прозаической редакции сливается в сознании читателей с юмористическим «Делом о побеге ис Пушкарских улиц петуха от куриц» (см. ркп. Библ. им. Ленина, б. Рум. № 3086, серед. XVIII в.). Упрек кура в многоженстве, из которого уже выпало в списке Государственного Исторического Музея № 3215 центральное место старого текста — цитата о церковном отношении к повторным бракам, — читается в этом позднем списке так: «Держиш ты у себя по 30 и по 40 кур и болши, да при том же есть о тебе окаяном и дело о побеге твоих (вм. твоём) из Пушкарских улиц», затем следует обвинение кура в том, что он охотник до чужих жен, а тот, оправдываясь, дает даже точную цитату из этого «Дела», наивно соединяя ее с оправданием, взятым из старой повести; «писано есть, раститесь, множитесь и наполните землю, а хотя ли чужих кур и топчу, что они мне пошли повиньи, а домашния

¹ В. Адрианова-Перетц. Праздник кабацких ярыжек. Груды ОДЛ ИРЛИ Акад. Наук СССР, т. I, Л. 1934, и отдельно, стр. 30.

² А. Смирнов. Сборник великорусских сказок Архива Русского географич. общества, т. I, стр. 452, 471, 480.

³ А. Афанасьев. Народные русские сказки, изд. 3, т. I, стр. 10; т. II, стр. 129—365.

стали противны» — ср. в допросе петуха в «Деле»: «что они мне повинны, а домашние куры стали противны».

III

Наиболее полно сохранивши свою первоначальную форму в прозаических списках XVIII в., повесть о куре и лисице положила начало и другому литературному памятнику XVIII в., который сохранил от старой повести только общую схему, ряд отдельных выражений, но в целом обработал этот сюжет совсем по-новому. Судя по тому, что уже в списке первой четверти XVIII в. мы имеем довольно неумелое сокращение этой стихотворной обработки, соединенной с прозаическим старым текстом, надо думать, что самая стихотворная редакция возникла не позже начала XVIII в.

В новой литературной обработке XVIII в. со старой повестью совпадает последовательность рассказа во второй части — лисица уговаривает кура спуститься на землю и покаяться ей в грехах; кур, убежденный, слетает с дерева и попадает к ней в лапы, затем начинается диалог: лисица упрекает кура за многоженство, за ненависть к брату своему, вспоминает, как он обидел ее у крестьянина, и после неудачных попыток кура оправдаться, лиса съедает его. Последний эпизод — приглашение к Крутицкому митрополиту — исключен совершенно. В этой части стихотворной редакции изредка встречаются такие стилистические совпадения с прозаической повестью, которые не оставляют сомнения в источнике первой, но они тонут в новом, значительно расширенном и измененном изложении той же схемы. Вся же первая половина стихотворной обработки является совершенно новой, по сравнению с повестью XVII в.: подробная мотивировка ухода кура в пустыню, диалог кура и лисицы, где оба собеседника стремятся перехитрить друг друга — кур добивается узнать имя лисицы, она всячески уклоняется от этого. Наконец настойчивость кура одолевает, лисица проносит свое имя, и тогда начинается вторая часть их диалога — кур оттягивает под разными предлогами момент спуска, и в этом диалоге создается совершенно новая ситуация: из обвиняемого кур превращается в обвинителя, который перечисляет лисице ее вины, а она рассказывает ему фантастическую историю о том, как она приходит по ночам к нашестям, чтобы унести к себе «заскорбевших» кур, описывает их привольную жизнь в ее доме на покаянии и предлагает куру пойти к ней и лично в этом убедиться. Все это изложено многословно, с обилием бытовых подробностей, среди которых совершенно теряется первоначальный замысел повести, та игра аргументами из св. писания, в которой заключается вся острота

прозаической версии. Из сатиры с определенной направленностью автор XVIII в. сделал просто занимательную повесть, примыкающую к обширному циклу аналогичных памятников массовой литературы XVIII в.¹

В XVIII в. в тех общественных группах, которые и создавали и читали рукописную «занимательную» литературу, потеряли свою остроту те споры о букве церковного закона, которые в большей или меньшей степени заполняют весь XVII в., а вместе с тем и в повести о куре и лисице выдвинулось на первый план состязание в хитрости. Отсюда расширение диалога, увеличение числа уверток, с помощью которых лиса старается доказать, что она «праведная духовница», нагромождение таких бытовых подробностей, где прежний способ аргументации оказался совершенно не нужен. В этих новых подробностях затерялось основное ядро повести, и сама она в сознании читателя стала, как показывает заглавие одного из списков, историей о «куриозных действиях кура и лисицы»: очевидно, этот читатель воспринял новую обработку старого сюжета, как те забавные истории и анекдоты, которыми изобилуют сборники, начиная с половины XVIII в. Подобные сборники, как мы видим из записей их владельцев, вращались по преимуществу среди разночинной и мелкобуржуазной интеллигенции, которая, в отличие от интеллигенции дворянской, имела свою литературу. Бывшие школьники Славяногреколатинской Академии, канцеляристы и копиисты, а иногда и грамотные дворовые люди, младшие воинские чины были и авторами и читателями этой литературы, по преимуществу занимательной, очень слабо, а иногда и совсем не окрашенной элементами социальной сатиры. Стихотворная обработка повести о куре и лисице дала, подобно этой литературе, и занимательность сюжета, и излюбленную рифмованную прозу — так как правильным стихом нельзя назвать неравносложные строчки «истории», и язык, хотя и сильно славянизированный, но не столько в лексике, сколько в морфологии и фонетике, а потому и нетрудный для понимания человека с средней начитанностью. Наряду с этим, обилие бытовых подробностей, вошедших в диалог, нередко вынуждает автора оживлять свою речь образным разговорным языком. И в этом отношении стихотворная «история о куре и лисице» идет в колее, привычной для читателя того времени.

¹ В одном из списков стихотворной редакции (Гос. Публ. Библ. Q. XIV. 27) отголосок этой забавной литературы выплывает неожиданно, когда лисица описывает все прелести пребывания у нее кур: «а едят толко одно толокно, а поставлена чаша соловецка, а пьют про здоровье молодецко» — ср. встречающийся в списках XVIII в. (см. Гос. Публ. библ. O. XVII. 57) рифмованный стих под заглавием «Чаша моря Соловецкова»: «Чаша моря Соловецкова пить для здравия молодецкова» и т. д.

В рукописной традиции стихотворный текст повести сохраняется довольно устойчиво: видимо, самая стихотворная форма в данном случае несколько сдерживала переписчиков, и варианты ограничиваются большей частью пропусками или вставками отдельных слов, изредка незначительными изменениями отдельных выражений или рифм. В этих вариантах никакой плановости отметить нельзя. Но дальнейшая судьба этой стихотворной редакции чрезвычайно ярко показывает разницу условий, в которых бытовала в XVIII в. рукописная и печатная литература.

Занимательная повесть, с установкой на «смехотворность» сюжета, а не поучительность его, в рукописных текстах смело пользуется, как одним из приемов достижения комического эффекта, неуместными в устах наших героев цитатами из св. писания. Эти цитаты не объединяются, как в прозаической повести, одним замыслом — подчеркнуть формальный способ их истолкования, — но они разбросаны по всему тексту, когда лиса особенно выдвигает свою роль исповедницы и переходит к обличению, а кур скорбит о своих грехах. В отрывках бытового характера эти цитаты исчезают. В рукописной традиции эти цитаты держатся прочно и мирно уживаются, вплоть до конца века, рядом с выражениями типа — «а что тебе сказал некоторы бес толко дуброву да лес» и т. п. Но в 1790 г. издатель печатного сборника «Старичок-Весельчак», самое заглавие которого показывает цель подобного издания, задумал ввести туда и стихотворную повесть о куре и лисице. Первое впечатление, что печатный текст — это тот же рукописный, только несколько сокращенный. Однако, если мы взглядем в эти сокращения, то увидим, что цель их далеко не всегда ограничивается устранением излишних длиннот: плановность исключения отдельных мест выступает вполне отчетливо, и за ней ясно видны те требования, которые предъявлялись к печатным изданиям еще до учреждения правильной цензуры.

До 1796 г., когда возникла цензура как специальное учреждение, уже существовали правительственные указы, регулировавшие право издания книг. Так, в 1771 г. Гартунгу было разрешено печатать книги, «кои не предосудительны ни христианским законам, ни правительству, ниже добронравию».¹ В 1783 г. это свидетельство книг, печатающихся в частных типографиях, было возложено на Управу благочиния, «с наблюдением, чтобы ничего в них противного законам Божиим и гражданским или же

¹ В. Н. Рогожин. Материалы для русской библиографии XVIII и первой четверти XIX вв., т. I. Дела московской цензуры в царствование Павла I, вып. 1, 1797 г. СПб., 1903, стр. V—VII, Об. ОРЯС Акад. Наук, т. 72.

к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» (там же, стр. VII). Что же выбросил из рукописной повести издатель, руководствуясь этими правилами? Он исключил не только все цитаты из св. писания, но даже и все места, слишком ясно говорящие о церковных сюжетах: упоминания о даре пророчества у лисицы, обещание, что кур после покаяния окажется «со святыми в небе»; рассказ лисы о том, как она молилась богу за куровы грехи; обещание не связать его «никакою епитимиею», молитву кура, хотя и не церковными словами выраженную, когда он узнал об имени своей исповедницы; ответ лисы на эти молитвы; ее рассказ о своей благочестивой жизни, проходящей в посте и молитвах; просьбу кура принести «потрахель, ризы и свечи»; указание на то, что куры живут у лисицы «в епитимьях»; что они «спребывают по бозе в воздержании мнозе»; угрозу куру — «достойн ты и с телом во ад снити»; слова лисицы «я вить, курушка, не поп, а не исповедает тя так и протопоп», даже вместо слов «бога боялся» в Старичке-Весельчаке читаем — «правды боялся». Только один раз — в форме общего суждения без прямого применения его к героям повести, — сохранилось благочестивое размышление лисицы: «погубит господь глаголющих неправду конечно и вринет во ад вечно».

В порядке такой чистки рукописной повести из нее были изгнаны и те немногие остатки старой сатиры XVII в., которые все-таки еще смутно напоминают о первоначальном замысле в рукописной стихотворной повести. Для печатного издания «смехотворное» применение текстов из св. писания и вообще смелое и фамильярное обращение с церковными предметами, которое так характерно для рукописной литературы XVII и XVIII вв., оказалось совершенно неприемлемым. Это и вполне естественно, так как цензурные требования устанавливались командующей верхушкой, для которой в XVIII в., как и в XVII в., церковь и все связанное с ней было органическим элементом государственного порядка и вытекающей из него идеологии.

От той же стихотворной рукописной версии повести о кура и лисице, от которой идет печатный текст Старичка-Весельчака, но совершенно независимо от него, пошли лубочные издания, дающие повесть далеко не полностью, а лишь в виде небольших надписей к картинкам, иллюстрирующим отдельные моменты рассказа — таких отрывков взято 6.¹ В этих надписях, как и в тексте Старичка-Весельчака, исключены все церковные мотивы, конечно, по тем же основаниям, хотя и много раньше, чем в последнем.

¹ Д. Ровинский. Русские народные картинки, т. I, СПб., 1881, стр. 272—274.

На одном примере покажу, что Ровинский был неправ, выводя лубочный текст из текста Старичка-Весельчака (там же, кн. IV, стр. 199—201):

Q, XIV. 27

Лубочный текст

Старичок-Весельчак

Кур же внезапной той смерти ужасеся и, вспомянув смертны час, потрясеся, дабы и сам незапно не умер тако. И о сем плакася размышляше всяко. И в такой скорби и печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя малу отраду прияти. И хотя разумом своим размышляше и сердцем ташко въздыхаше.

Кур же от незапныя той смерти ужасеся и вспомянув смерть, от страха потрясеся, негли и сам незапно умрет. Тако ему о сем размышляюще всяко, и в такой печали вышел на улицу погулять, как бы ему отраду принять и сам себе проклинающая, еже много злая содевая и ходя размышляше и сердцем ташко въздыхаше. (Ровинский I, 273).

Кур от сего ужасеся, вспомнил смертный час и от страха потрясеся, чтоб самому так не умереть незапно, плакал о сем и размышлял опасно, потом вышел погулять, хотя б малу отраду тем восприть.

IV

Существуя в рукописных сборниках XVIII в. рядом, прозаическая и стихотворная редакции повести о куре и лисице рассматривались, видимо, читателями, как близкие, но все же разные, сочинения: в сборнике Забелина № 536 мы читаем три версии повести. В результате создались смешанные тексты, объединяющие более или менее удачно эти разновидности.

Первый список такого смешанного типа дает сборник Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 57, первой четверти XVIII в.: в первой части он передает с большими сокращениями, но все же с сохранением целых стихов и выражений стихотворную редакцию, а затем, начиная с оправдания куром своего многоженства, переходит к прозаической версии, к которой в конце добавляет еще новую подробность — кур просится отпустить его в монастырь. Этот эпизод, составляющий индивидуальную особенность данного списка, изложен рифмованными строками, в стиле стихотворной редакции. Что мы имеем в данном случае не прототип стихотворной редакции, а ее неудачное сокращение, видно из нескольких мест, непонятных без разъяснений полного текста; напр., совершенно неожиданно и необоснованно лисица говорит куру, добивающемуся узнать ее имя: «тебя же вижу спасенна, пророчества дару сподобленна», — тогда как на самом деле кур, удивленный тем, что неизвестный зверь называет его по имени, обращается с этими словами к лисице. Ниже лисица, расска-

зывая о своей благочестивой жизни, правильно относит эти слова к себе: «аз емь давно в пустыни скитатися стала и пророчества дар прияла». Очевидно, первая ошибка произошла от неудачного сокращения диалога. Таким образом, мы действительно имеем в данном списке результат слияния двух редакций — факт любопытный особенно потому, что список датируется первой четвертью XVIII в., когда, следовательно, и стихотворная редакция была уже налицо.

Другой более интересный вариант смешанного типа дает сборник Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина О. XVII. 17, второй половины XVIII в. Он изложен прозой, прерываемой иногда рифмованными строками, и в целом дает несколько распространенный и стилистически украшенный пересказ прозаической редакции, в которую вставлен в очень кратком виде диалог кура и лисицы по поводу ее имени. Этот диалог также передан прозой, но отдельные выражения указывают на стихотворную редакцию как на источник его. «Роца татарская» нашего списка заменяет «дуброву зелену» стихотворной редакции; «посла мя господь бог тебя увещати и призывати к покаянию» — ср. «бог мною тя призывает» в стихотворном тексте; «имени твоего не допытаюся... научи тя именем нарипати» — кратко передается в прозаическом списке: «повеждь ми о имени твоем»; стихотворный титул лисицы — «по божией благодати лисица, преподобная мати, старая красная диввица» — передан: «преподобная и убогая, кроткая и смиренная вдовица, чернубурая лисица». Льстивая речь кура к лисице — «сладкая и красная беседа твоя меня удивляет... и зело умиляет» — сохранена хотя и в пересказе: «таковыя умилныя и прелесныя словеса мне предлагая вещаеши, что аз таковых словес, как и родился, не слыхал». Размышления кура о том, почему лисица так усердно приглашает его на землю — «а ведает, что лисицы кур едят охотно, того ради созывает его доброхотно» — в смешанном тексте обратились в прямую речь: «на землю с сего древа приглашаеши, и снити ми повелеваеши. Но лисица обыкла нашею братьею курами питатся». В стихотворной редакции лисица опровергает это обвинение — «и не точию, что мясных снедей снедаю» и далее подробно описывает свое воздержание; в сп. О. XVII. 17 это передано кратко: «давно никакова я мяса не ем» и т. д.

Число этих примеров можно увеличить, но и они показывают, что, свободно обращаясь со стилистикой своего оригинала, наш редактор все же сохраняет основные мотивы вставленного им диалога. Обработывая прозаическую версию, он также обнаруживает свой литературный вкус: стремление к напыщенной, приподнятой речи, некоторый гиперболизм выражений,

любовь к нагромождению эпитетов, синонимов, усиливающих впечатление. Уже в начале текста у него появляются замысловатые эпитеты, вроде «преизпрещренный», «сладкоперистый», «громковоспеваемый» и т. д., даже обычное имя кур сопровождается славянским пояснением — петел. Похвала курову голосу принимает явно гиперболический вид: от него «беси опровергаются, а еретики исчезают, небо и земля радуются и веселятся, реки восплещут, горы возыграют». Кур отвечает в таком же приподнятом тоне: таких «прелесных словес», как от лисицы, он не слышал «от отца, деда и прадеда своих»; к обычному «возопил великим гласом» наш редактор для усиления добавляет: «закрычал, закултыхал»; лисица наделяет кура подряд следующими эпитетами: «блудник бл...н сын, вор, мошенник, плут, разбойник, супостат и разоритель мой». В связи с общим стремлением несколько приподнять речь, добавляется ряд длинных цитат из св. писания.

В этом же тексте наблюдаются следы как бы вторичных добавлений из басен. Новая деталь в речи кура, оправдывающего свое множество, — «много жен содержал, чтобы более у мене детей плодилось и множилось и пищею нами и детьми моими и яицы люди доволствовались неоскудно» — напоминает в басне «о коте и алектрионе» (перевод Гозвинского) слова петуха по тому же поводу: «и сие на ползу своим господием и владыкам творити глаголаше, и ради сего многия яицы рдятся». В XVIII в. эту басню знали не только по первому переводу Гозвинского, но и по сборнику «Зрелище жития человеческого», переведенному в 1674 г. (см. ркп. Гос. Публ. Библ. Софийск. 1496, л. 40 об.). Другая новая деталь, вошедшая в данный список повести, сближает ее с басней «Тати и петел», известной в переводе басен Эзопа 1700 г. Восхваляя голос кура, лисица говорит в этом варианте повести: «воры и мошенники трепетны бывают и велии ужасаются, чтобы им пойманным не быти, и в твое куроглашение от воровства устраниются» — в соответствии с названной басней, где воры уносят кура и ставят ему в вину то, что он мешал воровать. Для XVIII в. такое хорошее знакомство с баснями засвидетельствовано переделками их сюжетов в рифмованные жарты,¹ воспоминаниями современников, которые указывают на басни Эзопа, как на учебную книгу, применявшуюся при преподавании французского языка.²

В противоположность всему тексту повести, значительно олитературенному в данном списке, конец, где добавлен совершенно новый эпизод,

¹ В. Адрианова-Перетц. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в. Изв. РЯС, 1930, кн. II.

² Записки А. Т. Болотова, т. I, СПб. 1875, стр. 110.

резко выделяется своей разговорной речью, пересыпанной бранными выражениями. Этот конец для нас особенно любопытен тем, что он целиком усвоен был устной сказкой. Вместо обычной трагической развязки, в этом варианте мы имеем комическую: лисица, заслушавшись речей петуха о прелестях жизни просвирни, «ослабила когти», кур взлетел на дерево и оттуда издевается над лисицыной неудачей, а она, посрамленная, уходит в лес. Возможно, что и этот новый эпизод возник не без влияния басенной традиции, где лиса часто оказывается одураченной. Об этом эпизоде подробнее речь будет ниже при анализе устных сказок. Конечно, не данный именно список лег в их основу, но тот тип, к которому он принадлежит. И этот тип ясно подчеркивает ту линию, по которой пошло в XVIII в. развитие повести о куре и лисице: эта линия — усиление занимательности сюжета.

В том же направлении переработан третий смешанный список повести (Забелин, 536, л. 261). Этот текст в первой части очень кратко прозой резюмирует начало стихотворной редакции, но в остальном идет за прозаической повестью, расцвечивая ее новыми подробностями. Уже в заглавии лиса получает новое отчество — «Захарьевна», чем сразу приближается к сказочному типу лисы. По образцу рассказа о ночном визите лисы в курятник построен в этом варианте новый эпизод: лиса укоряет кура в том, что он выдал своим криком ее приятеля волка, когда тому захотелось «нутром боранинки или поросятинки, и он пошел бедной в деревню к крестьянину на двор». Как и предыдущий вариант, этот список заканчивается сказочной прибауткой: «Куру смерть, лисе слава, дьякону сала, попу корова, дьячкам желвак, понамарю болетов, просвиrne курок и всему тому конец».

Как видим, эти смешанные списки представляют как бы переходную ступень к устным вариантам повести, приближаясь к ним отдельными приемами сказа.

V

В устной традиции наша сказка бытует по преимуществу на Севере, где последние записи ее сделаны в 1928 г., но встречается и в средней полосе, а небольшой отрывок записан и в б. Харьковской губ. Изданы следующие сказки:

1. А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, изд. 3-е, М., 1897, т. I, № 4, варианты а, в, с — из Пермской и Калужской губ.
2. Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, стр. 51.
3. А. М. Смирнов. Великорусские сказки Архива Русского географического общества. Т. II. Пгр., 1917, стр. 756 — из Пермской губ.

4. А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины. Изд. 2-е, СПб., 1894, т. I, стр. 212 (то же переизд. А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VII, СПб., 1902, стр. 404).

5. О. Э. Озаровская. Бабушкины старины. Изд. 2-е. М., 1921, стр. 112.

6. Сказки и песни Переяславль-Залесского уезда. М., 1922, стр. 97.

7. М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев, 1876, стр. 363.

Кроме этих напечатанных текстов, две записи из Мезенского уезда б. Архангельской губ., сделанные в деревне Палащелье в 1928 г. А. И. Никифоровым, были любезно предоставлены мне для настоящей работы собирателем, за что приношу ему искреннюю благодарность.

Отсутствие исследований о литературной повести о куре и лисице в свое время привело к тому, что изучавшие устную сказку с тем же сюжетом запутались в параллелях к ней и пришли к совершенно фантастическим выводам о ее происхождении и дальнейшей судьбе на русской почве. Минувя совсем необоснованное мнение о популярности сказки во «времена летописца Нестора», так как де в одном из списков Пчелы есть изречение: «не красен позор лисица в курятах, того же нестройнеея учитель неподобен», я остановлюсь лишь на характеристике сказок о петухе и лисице в специальных работах по истории животного эпоса.¹

Л. Колмачевский в книге «Животный эпос на Западе и у славян» (Казань 1882, стр. 93—110), привлекая варианты сказки о куре и лисице, помещенные у Афанасьева и Драгоманова, считает их «занесенными прямо с Запада» (стр. 101), отмечая лишь, что «в русских вариантах, сравнительно с западными, более резко выделяется сатирический элемент, являющийся с архиерейскими пирами, духовными должностями и т. п., понятно местным наслоением» (там же). В основе русских вариантов Колмачевский предполагает общий источник с грузинской версией, указывая в то же время, что на них «в известной мере повлияла баснь о коте и петухе, проникшая на Русь при посредстве Византии» (стр. 103). Зависимость русских сказок от западных версий мотивируется и тем, что в них петух появляется на высоком дереве или на дубу (стр. 104 — тот же мотив есть и в баснях Эзопа. В. П.). Заключительный вывод Колмачевского — «следует поставить

¹ Краткие замечания о сказке Сахарова (Русские народные сказки) и Афанасьева (Русские народные сказки, т. I) изложены в книге В. Боброва Русские народные сказки о животных. Варшава 1909, стр. 74 отд. из Русск. Фил. Вестн.

славянские сказки в прямой зависимости от литературных обработок животного эпоса на Западе» (стр. 110) — остается совершенно необоснованным, так как автор рассматривает поздние записи сказок вне всякой связи их с литературными русскими обработками того же сюжета. Не выделив основного ядра сказки, Колмачевский производит сопоставления случайно выхваченных деталей, поэтому и параллели к ним находятся то в «византийской басне», то в грузинском эпосе, то в западных рассказах. Между тем, ни один из этих источников не объясняет главной характерной черты русских вариантов — появления лисы в роли исповедницы.

В. Бобров (назв. соч.) предполагает, не имея на это никаких данных, кроме приведенного выше изречения Пчелы, что устная сказка о петухе и лисице действительно существовала «во времена летописца Нестора», но без мотива исповедания петуха, так как, по его словам, «русские звериные сказания вообще чужды всякой религиозности» (стр. 74). Поэтому эпизод об исповедании петуха есть «искажение», результат позднего книжного влияния, как и «сатирический элемент» (там же). «Создался ли этот эпизод на самостоятельной почве, или заимствован, сказать трудно; очень может быть, что западные литературные обработки имели влияние и на нашу сказку. Там этот эпизод довольно распространен».

При обзоре отдельных вариантов сказки Бобров недоуменно отмечает то «какой-то церковно-славянский язык», то притчу о мытаре и фарисее, тогда как, по его словам, «в наших звериных сказках не встречается никаких притч» (стр. 75), то «натянutosть, искусственность варианта», выражающуюся в том, что петух все-таки спускается на землю; странными ему кажутся слова петуха: «что он книги горазд читать и что у него голос хорош». Не подозревая, очевидно, что все, вызвавшие его недоумение, места целиком повторяют литературную повесть о кура и лисице, Бобров так формулирует свой окончательный вывод: «По искусственности, натянutosти, сатирическому элементу и по мотиву об исповедании петуха лисой эта сказка более подходит к западным версиям, чем к русским звериным сказкам, из которых ни одна не дошла до такой степени искажения первоначальной чистоты» (стр. 76).

В этом выводе правильно одно: действительно сказка о петухе и лисе-исповеднице совсем непохожа на другие животные сказки, хотя общность имен действующих лиц несомненно ассоциировала в сознании исполнителей этот сюжет с другими приключениями лисы; кроме механического слияния его с ними в некоторых вариантах, и общая характеристика одуроченной лисы, несомненно, примыкает к привычному сказочному облику ее. Но при-

чину этого своеобразия сказки надо искать не в «искажении» какого-то первоначального сюжета с помощью западных образцов, а в том, что и сама-то сказка о петухе и лисице есть сравнительно поздно усвоенная книжная повесть. К обоснованию этого вывода я и перехожу, но предварительно следует несколько остановиться на вопросе об отношении нашего сюжета к тому «западно-европейскому животному эпосу», на который ссылаются и Веселовский, и Колмачевский, и Бобров. Все они разумеют под ним для данного случая роман о Ренаре, как аналогию сюжету о лисе-исповеднице. Но действительно ли эта аналогия так близка, что можно серьезно ставить вопрос о заимствовании?

В романе о Ренаре столкновение его с Шантеклером лишь одним напоминает нашу повесть-сказку: и там Ренар обманом овладевает петухом, обманом же последний и спасается от него. Но в западном животном эпосе лиса не исповедует — она сама исповедается в своих грехах. Дерево в романе о Ренаре — это не то место, откуда Ренар сманивает петуха, а то, куда он спасается от него. То немногое, что роднит нашу сказку с романом о Ренаре, не составляет исключительной принадлежности этого романа: сходные мотивы мы найдем и в баснях Эзопа, которые, как известно, хорошо были знакомы на Руси с начала XVII в., между тем как о переводе романа о Ренаре мы не имеем никаких сведений. Поэтому нет никакой надобности связывать непосредственно нашу повесть — сказку о куре и лисице с романом о Ренаре: повесть для своего оригинального и связанного с русской действительностью сатирического замысла воспользовалась басенной схемой, а содержание устной сказки целиком покрывается этой повестью. В дальнейшем анализе русской сказки я отхожу поэтому от шатких предположений о связи ее с западно-европейским животным эпосом и попытаюсь объяснить ее происхождение из вполне реального книжного материала, который, между прочим, сразу дает оригинал чуждого роману о Ренаре образа лисы-исповедницы.¹

Все сказочные варианты, несмотря на различный объем их, разную манеру рассказа, далеко неодинаковую сохранность, объединяются, несомненно, общим источником — прозаической повестью о куре и лисице, притом той особой редакции, где рассказ кончается тем, что кур спасается от лисы и издевается над ней (см. О. XVII. 57). Если мы исключим из двух вариантов — Ончукова и Никифорова — поздние и, видимо, сравнительно

¹ Обширная область западных и восточных фабль не дает ничего, кроме отдаленных параллелей к сюжету повести сказки о куре и лисице, поэтому в вопросе о происхождении нашего сюжета может быть оставлена в стороне.

недавние добавления отдельных выражений из текста Старичка-Весельчака (эта книга имеется у крестьянина, рассказавшего А. И. Никифорову эту сказку), то все остальное содержание всех вариантов целиком покрывается прозаической повестью о кура и лисце. Отдельные эпизоды нередко бываюи переставлены, иногда даже перепутаны (в варианте Смирнова лисца приглашает кура в певчие, а не он ее в просвири), от некоторых эпизодов остался лишь намек, смысл которого неясен без сопоставления с книжным источником, и, тем не менее, этот прототип всех сказок сохраняет в них совершенно отчетливые следы, и именно в тех особенностях, которые казались такими непонятными и неожиданными в сказке Боброву.

Состав всех сказочных вариантов показывает, что устная сказка с самого начала своего отдельного от повести существования произвела отбор эпизодов из нее, выбросивши то, что в новой среде было малоинтересно: длинные убеждения лисы в необходимости покаяния, церковные доказательства греховности петуха, его оправдания. Зато прочно привились в сказке бытовые моменты повести, особенно рассказ о посещении лисой курятника, который в большинстве наиболее развитых вариантов занимает центральное место и служит завязкой всего дальнейшего повествования. Варианты Гильфердинга, Овчукова, Афанасьева вар., а, и Никифорова, удваивая рассказ, начинают его именно с описания того, как лиса пришла красть куренка, петух прогнал ее своим криком, поднявшим хозяев, и она, отлежавшись в лесу, подкарауливает его на дереве в одиночестве и здесь пытается отомстить за свою обиду. То, что в повести было лишь второстепенным эпизодом, одним из обвинений, и притом далеко не самым важным, против кура, в сказке выдвигается на первый план. Понравился в новой среде и рассказ о приглашении лисы в просвири и, как приманка, заставляющая лису забытья и выпустить своего пленника, он фигурирует во всех полных вариантах. Мало связанное с ходом действия и никак не влияющее на него упоминание о приглашении петуха в певчие забывается сказкой часто.

Выбор окончания в сказке свидетельствует о том, что сюжет ее расценивался как комический; отсюда предпочтение счастливой развязки и хорошо сохраняющаяся последняя часть рассказа — насмешка петуха над одураченной лисой. Сравнительно с книжной повестью, в сказке действие двигается быстрее, освобожденное от всех длинот. Оттого, вероятно, совсем не привилась в устных пересказах стихотворная редакция и, хотя на Севере сборник Старичок-Весельчак до недавнего времени встречался в крестьянских избах как книга для чтения, следы его редакции повести

о куре и лисице остались только в виде отдельных выражений, вставленных в обычный сказочный текст (см. варианты Оячукова, Никифорова).

В связи с общей установкой на занимательность, стоит и стилистическое оформление сказок о лисе-исповеднице, манера их сказывания. Прибауточные выражения, ритмическая речь, словом, так называемый «скомороший ясак» характерны для этих сказок. В процессе рассказывания они втягивают в себя привычные формулы устной поэтики, иногда даже совсем, казалось бы, некстати. Так, напр., Кривополенова описывала красоту кура такими выражениями: «Духовно ты дитятко, красота твоя несказанная, брови твои, как у соболя, очи твои, как у сокола, шпечки твои, как маков цвет» (вариант Озаровской, стр. 112). В другом варианте петух передает отзыв о нем митрополита: «молодец я добрый, платье цветно...» (вар. Переясл.-Залес.). Вариант Оячукова (и его продолжение — вариант Никифорова) обнаруживает особенное тяготение к прибауточной речи: лисица там заходит «ва боярский дом, хотела сись из телятника теленка, из курятника куренка, от бабы робенка, от суки щененка, от овчи ягненка, от кобылы жеребенка». Погоня за лисой описывается в той же манере: «старые старухи с лопатами, с ухватами, старые старики с топорщиками, с коромыслами, малы робята с мутовками, с колотовками...» и т. д.

В одном варианте (Гильфердинга) сказка о петухе и лисице подверглась любопытной переделке — она стилизовалась под старины, поется специфическим былевым напевом и стихом, удваивает сюжет, давая оба типа развязки: первый раз петух спасается, второй — лиса съедает его.

Вычтя все стилистические изменения, какие потерпел сюжет, живя среди других жанров устного творчества, мы получим ту канву, на которой отдельные рассказчики вышивали привычные узоры, каждый в зависимости от своего личного вкуса, тянувшего его или к спокойному эпическому рассказу или к веселому бойкому «скоморошьему ясаку». Эта канва целиком объясняется литературным источником сказки в виде прозаической повести о куре и лисице, и никакого остатка на долю старой сказки, существовавшей будто бы «во времена летописца Нестора», не получается. Книжному влиянию нечего было «искажать», как думал Бобров, потому что не на что было наслаиваться: ни в одном варианте нет никаких добавочных, по сравнению с книжной повестью, эпизодов, в которых можно было бы искать следы этого неизвестного древнего рассказа о лисе.

Таким образом, устная сказка о лисе-исповеднице представляет заключительный момент в жизни литературного памятника, возникшего в первой половине XVII в.: первоначальный замысел старой сатиры постепенно

забылся, по мере того, как терял остроту затронутый в ней вопрос, и сюжет, пройдя через городскую мелкобуржуазную и разночинную среду XVIII в., докатился до крестьянской массы, как юмористическая сказка, примыкающая к аналогичным рассказам из животного мира.¹

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Текст прозаической редакции повести о куре и лисице издается по списку собрания Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в. лл. 51—55 с вариантами по спискам Государственного Исторического музея № 669, первой четверти XVIII в. (И) и по Житомирскому сборнику Биб. Всеукр. Академии Наук, начала XVIII в. (Ж).

2. Текст смешанной редакции издается по списку собрания Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 261—265.

3. Устный пересказ прозаической редакции издается по записи, сделанной А. И. Никифоровым в д. Палащелье Мезенского уезда б. Архангельской губ. от Новикова Сидора Алексеевича, в 1928 г.

4. Текст стихотворной редакции издается по сп. собр. Забелина № 536 (855), второй половины XVIII в., лл. 108—123 об. Варианты из других списков в издание не включаются, так как они ограничиваются незначительными пропусками отдельных слов и выражений, без какой бы то ни было определенной направленности, либо представляют собой механические пропуски, объясняющиеся потерей листов, как в сп. Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде Q. XIV. 27. Последнее обстоятельство заставило предпочесть для издания более поздний список. Ограничиваюсь исправлением явно ошибочных мест по списку Q. XIV. 27.

Все тексты печатаются упрощенной орфографией: ъ заменяется е, і — и, ь в конце слов опускается.

1

(л. 51) Сказание о куре¹ и лисице.²

³ Стоит древо высоко и прекрасно, а на том древе сидит кур велегласны громкогласны, громко воспеваает, Христа прославляет, а христиан от сна

¹ Последний по времени отголосок сказки о куре и лисице находим в романе Н. Кочина «Девки» (Москва, 1933, стр. 26), где отец, укоряя сына за распущенность, говорит: «Ты как петух, у тебя 70 жен, ты всегда грешен» — ср. в варианте Афанасьева, записанном в Бобровском уезде Воронежской губ.: «Петушок, петушок... у тебя 70 жен, ты завсегда грешон» (т. I, изд. 4, стр. 4).

² петухе И. ³ доб. как седел на древе, а лисица кура к себе з древа манила Ж; како лисице прелсти петуха и предав смерти И. ³⁻⁴ приде в некое время лисица тайно ко двару крестьянскому и вниде лисица в курник Ж; *прот.* И.

возбуждает. И под то древо, к тому сидящему на древе к велегласному х куру пришла к нему ласковая лисица и стала ему говарить лестными своими словами, глядя на то высокое древо.⁴

И рече куру лисица: «Чадо мое⁵ милое,⁶ громкогласны⁷ кур, вознеслся еси ты⁸ на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, глас твой на⁹ небеси,¹⁰ а косы твои¹¹ до¹² земли,¹³ а коли запоеш, аки в трубу златокovanную затрубиш. Сниди ко мне к преподобной жене лисице,¹⁴ и аз тя приму на покаяние с радостью, и приемлши от меня прощение¹⁵ грехов своих¹⁶ в сем¹⁷ веце¹⁸ и будущем».

Отвеща кур лисице:¹⁹ «Госпожа моя,²⁰ преподобная²¹ мати лисица, сахарныя уста, тяшки²² суть грехи мои,²³ zde умру, а к тебе,²⁴ госпожа моя лисица,²⁵ не иду,²⁶ понеже язык твой лстив, уста твоя полны суть неправды».²⁷

(об.) Отвеща лисица х куру: «Чадо мое²⁸ милое,²⁹ доброгласное курия,³⁰ чему тебя бог посетил,³¹ глас твой страшен, всех людей устрашает,³² и вси люди гласа твоего боятца, от сна своего вставают.³³ Послушай,³⁴ курия,³⁵ моего учения своя матере лисицы. Помниш ли ты, чадо,³⁶ как во святых³⁷ книгах пишет: не долго спите³⁸ и не долго лежите, вставайте рано,³⁹ молитесь богу, да не ввидете в напасть. Тако ж и в притчах глаголет: много лежать, добра не добыть,⁴⁰ горя не избыть,⁴¹ чести и славы не нажить,⁴² красных риз не насыть, медовыя чаши не пить, слаткого куса⁴³ не есть, умному не быть, в дому⁴⁴ господину не слыть, власти не видать,⁴⁵ князям милу не быть.⁴⁶ А твой глас страшен, всех людей устрашает,⁴⁷ а не хочеш ты от меня праведнаго покаяния прияти, и ходиш ты по земли, аки свиния⁴⁸ в кале валяешия,⁴⁹ во гресех своих.

Сниди ко мне⁵⁰ на покаяние, и я дам там тебе праведное покаяние,⁵¹ и аще народ⁵² услышит глас твой, не могут изглаголати доброты и смире-

5-6 *проп.* И. 6-7 прекрасное Ж; доброгласное И. 8 *проп.* ты Ж, И. 9 до Ж, И. 10-11 язык твой Ж. 12 *доб.* лица И. 13-14 на древе сидиш, но тяшки грехи твориш Ж; на древе, но тяжки суть греси твои И. 15-16 *проп.* Ж, И. 17 во всем Ж. 18 вещем И. 19-23 *проп.* И. 20-21 *проп.* Ж. 22-23 заповеди твои Ж. 24-25 на покаяние Ж, И. 26-27 уста твоя лстивы язык твой полон неправды Ж; судом неправду И. 28-29 *проп.* И. 30-31 ничем тебя не утешила Ж; чем тебя бог испотешил И. 32-33 *проп.* И. 33 *доб.* глас твой честен, аще бы, чадо мое, не было бы ты на земли, как бы можно человеку от сна своего стати Ж; глас твой чтен, аще запоеши, что в златокovanную трубу затрубиши а не хочещи ко мне на покаяние ити, а хочещи во гресех своих умрети И. 33-40 чадо мое доброгласное, курия, лежа добра не нажить И 34-35 ты, прекрасное чадо Ж. 36 *доб.* мое прекрасное курия Ж. 37 *проп.* святых Ж. 38-39 *проп.* Ж. 40 не видати Ж. 40-41 а грехов не минути Ж. 42 не получитьи Ж. 41-42 покаяния не получитьи И. 43 ествы Ж. 44-63 господина не видать И. 45-46 князьми не бывати Ж. 47 *доб.* аще когда запоешь, аки в златокovanную трубу затрубишь Ж. 48-49 калом обмазан Ж. 50 *доб.* чадо мое милое, курия доброгласное Ж. 51-52 как бы Ж.

ния твоего, а ты, мое милое чадо куря,⁵³ хочеш во гресех своих тяжких умрети⁵⁴ без покаяния.

Сам ты,⁵⁵ чадо милое, чтеш притчу о мытаре и фарисеи, пришед з гордостью⁵⁶ на покаяние⁵⁷ и спасения не получить,⁵⁸ но и паче погрешить.⁵⁹ Тако и ты⁶⁰ осужден будеши, чадо мое милое, в муку вечную и во тму кромешную.⁶¹ Сниди (л. 52) ко мне на покаяние, и да спасешия и прощен будеши во всех гресех своих⁶² и внидеши в царство небесное.»⁶³ И сама лисица прослезися горко о гресех куровых⁶⁴ и рече к нему лисица: ⁶⁵«Горе тебе, окоянны куря, ходиш ты на земли без покаяния⁶⁶ и не ведаеш, в кой час смерть придет». Рече же х куру лисица: ⁶⁷«Чадо мое милое куря, душеполезная моя словеса слышав,⁶⁸ давно бы ты сошел ко мне на покаяние».

Кур же, на древе сидя, прослезися горко, слышав же душеполезная словеса от преподобныя жены лисицы, поминаючи грехи своя окоянныя, и почел спущатца к лисице на землю,⁶⁹ з древа на древо,⁷⁰ с ⁷¹сучка на сучок,⁷² с куста на кустик, с пенка на пенек, и скочил кур⁷³ и сел у лисицы на голове.

И ⁷⁴взяла ево лисица в кохти и згнела его крепко и завопил кур великим гласом⁷⁵ и рече кур лисице: ⁷⁶«О мати моя лисица,⁷⁷ то ли мне от тебя праведное покаяние?»

Лисица же скрежеташе зубы и, глядя на него немилостивым⁷⁸ оком, аки диавол немилостивы на христиан, поминает грехи куровы и яряся ему.⁷⁹

Рече кур лисице:⁸⁰ «Что суть грехи мои,⁸¹ то ли мне от тебя праведное покаяние?»⁸²

Отвеща лисица х куру⁸³ с великим гневом и яростию: (об.) «Куря, злодей и чародей,⁸⁴ как ты⁸⁵ бога не боишися,⁸⁶ закон престапаш? Помниш ли ты ⁸⁷святыя книги и ⁸⁸как в правилах⁸⁹ святых отец⁹⁰ пишет: одна жена понять по закону,⁹¹ а другую понять⁹² для детей, а третью понять чрез

⁵³ доб. не хочеш ко мне притти на покаяние Ж. ^{54—55} как ты Ж. ^{56—57} проп. Ж. ^{58—59} на большее осуждение бысть, мытар же сердечным покаянием приде и спасен бысть Ж. ^{60—61} проп. Ж. ⁶² доб. тяжких Ж. ⁶⁴ своих Ж, И. ^{64—65} проп. Ж. ^{66—67} проп. Ж, И. ⁶⁸ от праведной жены лисицы Ж, И. ^{69—70} проп. Ж, И. ^{71—72} проп. Ж, И. ⁷³ доб. к лисице на землю Ж, И. ⁷⁴ доб. яко змии доблественне прелсти куря И. ^{75—77} от лисицы Ж. ^{76—80} проп. И. ^{78—79} и злым своим окоянным оком аки злодей Ж. ⁸⁰ доб. госпоже ты мати моя лисица, почто на мя зло яришися Ж; доб. госпожа лисица, что на мя зло зриши, что немилостиво И. ^{81—82} проп. И. ^{83—84} с великим гласом: великое твое злое согрешение, повинен ты еси смерти, о беззаконнице, злодей Ж; О куря, великое твое прегрешение И. ⁸⁵ доб. злодей И. ⁸⁶ доб. а людей не страмишися Ж. ...людей добрых не... И. ^{87—88} проп. И, Ж. ^{89—90} проп. И. ^{91—92} и аще умрет, то по нуже поняти рада поняти вторая жена строения Ж; сие единая умрет, то по нужде вторая поняти да многа ради строения И.

закон прелюбодейние⁹³ (ради).⁹⁴ А ты, лихой человек,⁹⁵ злодей и чародей, законопреступник,⁹⁶ держеш ты у себя много жон по двадцети и по тритцати и болши.⁹⁷ Как твои не великия суть грехи,⁹⁸ да за твои грехи⁹⁹ предам ты¹⁰⁰ злой¹⁰¹ смерти». ¹⁰²

¹⁰³И рече кур лисице: ¹⁰⁴«Послушай,¹⁰⁵ госпожа моя¹⁰⁶ мати лисица, помниш ли ты, как в бытиях пишет: земля стала и нача полниться. Сиде ¹⁰⁷плодится и ростится и умножите землю. О сиротах и о вдовицах всякое попечение имейте и ¹⁰⁸пекитесь¹⁰⁹ велми, то будите наследницы царствия небесного». ¹¹⁰ И хочет¹¹¹ от нея кур¹¹² праведного покаяния.

И отвеща лисица куру с великим гневом:¹¹³ «Злодее курия, и яко ты бога не боишися, а людей добрых не стыдишися,¹¹⁴ закон престаупаеши,¹¹⁵ а брата¹¹⁶ своего¹¹⁷ ненавидиши,¹¹⁸ и где с ним не сойдесся, тут¹¹⁹ ты с ним болна¹²⁰ бьешися¹²¹ за которую обиду, а толка и обиды,¹²² беззаконники вы, промежу себя за свои ревнивыя жены и наложницы многия ради¹²³ для прелюбодейния. И потому я тебя осудила за твои великия грехи, повинен ты еси смерти. ¹²⁴

(л. 53) Да помниш ли ты, лихой человек,¹²⁵ кали я была галадна, ¹²⁶изнили меня злыя дни, нечиво мне было ясти,¹²⁷ и аз ела чеснок да ретку, и тем я себя сарамоты даставила. ¹²⁸

И пришла я х крестьянину¹²⁹ на двор,¹³⁰ где у него сидят куры,¹³¹ и ты, лихой¹³² человек, закричал¹³³ на сонных людей, будта тебя взбесила¹³⁴ или варагуша¹³⁵ подымала. И гуся тогда загоготали, и свиньи там завижжали, ¹³⁶

⁹³⁻⁹⁴ так Ж, И. здесь роду. ⁹⁴ доб. а четвертая жена отнюд не подобает иметь Ж 94-96 проп. Ж. ⁹⁵⁻⁹⁶ проп. И. ⁹⁷⁻¹⁰² проп. Ж. ⁹⁸⁻⁹⁹ несть тебе покаяния И. ¹⁰⁰⁻¹⁰¹ проп. И. ¹⁰³⁻¹¹⁵ проп. Ж. ¹⁰⁴⁻¹⁰⁵ проп. И. ¹⁰⁶⁻¹⁰⁷ писано во святых книгах И. ¹⁰⁸⁻¹⁰⁹ печалитися И. ¹¹⁰ доб. и глагола кур лисице вся по ряду от Адама и до сего дни, как земля наполнитися И. ¹¹¹⁻¹¹² проп. И. ¹¹³⁻¹¹⁴ о прокляты куры, великое твое согрешение, повинен еси смерти, как ты, злодей, не срамишися И. ¹¹⁶ друга И. ¹¹⁷ доб. петуха Ж. ¹¹⁸ доб. где с ним не свидесся Ж. ¹¹⁹⁻¹²¹ он И. ¹²⁰ проп. болна Ж. ¹²¹⁻¹²⁴ за косы друг друга волочите, и приправу на главах и гребни свои до главы исклюете Ж. ¹²²⁻¹²³ беззакония ревнуется между своими женами и наложницами И. ¹²⁴ в сл. Ж. здесь ошибочно вставлен находящийся выше упрек в многоженстве, а потом опять повторяется отрывок о ненависти к брату, отсутствующий в других списках: «помниш ли ты, лихой злой человек, в правилех святых отец пишет: бога люблю, а брата своего ненавидишь. То ложь есть таковых пред богом. Несть то бог не любить, а брата своего ненавижу. Подобен ты еси смерти» — далее следует ответ кура, обычно читающийся ниже. ¹²⁵ доб. злой богоотступник, кровопивец, блудник, чрез законопреступник Ж. ¹²⁶⁻¹²⁷ проп. Ж, И. ¹²⁷⁻¹²⁸ проп. Ж; с великия кручины чеснок ела, что кроме не было, и аз такова жена доставила себе сором И. ¹²⁹⁻¹³⁰ проп. Ж, И. ¹³⁰⁻¹³¹ куриц красти Ж. ¹³² доб. злой, законопреступник Ж. ¹³³ завопил Ж; завопел в полночь И. ¹³³⁻¹³⁴ своим великим гласом. Али тя сбесило Ж; как бы тебя бешеная похватила И. ¹³⁵ поймала Ж; бить стала. Смерды же мужики за мною погналися з женами и собаками И. ¹³⁶ заворошала И.

а¹³⁷ мужики закричали,¹³⁸ а детки их услышали¹³⁹ и за мною погнались,¹⁴⁰ з жердьем и с ружьем и с соколием¹⁴¹ и ¹⁴²с собаками,¹⁴³ с вопом и з свистом, бутта я у них хатела отца удавить, а мать утапить,¹⁴⁴ а за што, за единого куря хатели¹⁴⁵ меня пагубить.¹⁴⁶ И мало мне топеря тебя, лихова человека, за то съесть. А власной ты как бес,¹⁴⁷ ни в кумовстве,¹⁴⁸ ни в сватовстве,¹⁴⁹ ни в роду, ни в племени,¹⁵⁰ и ни в какой ты нужи не бывал, не знаеш ты и не разумееш. И бутта у них кур не стало, что ты завопил и закричал мужикам, и мне ты саромоты доспел, и ¹⁵¹плохою¹⁵² женою поставил. Вся от тебя мне пакость,¹⁵³ от лихова человека. Сам ты ¹⁵⁴не велик,¹⁵⁵ толка перьем¹⁵⁶ дасаждаеш, а у меня же никто же тебя¹⁵⁷ ис кохтей моих не может избавить,¹⁵⁸ ни князь, ни ¹⁵⁹боярин, ни иной кой от велмож.¹⁶⁰ И повинен ты еси смерти».

Отвеща кур лисице:¹⁶¹ «Помниш ли ты,¹⁶² госпожа моя¹⁶³ (об.) лисица,¹⁶⁴ притчу: по каторой реке плыть, по той и славу творить. А у которого господина жить, тому и служить и волю ево творить. И во святом евангелисте пишет:¹⁶⁵ не может раб двема господином работать.¹⁶⁶ Тако ж и я,¹⁶⁷ госпожа моя лисица,¹⁶⁸ у крестьянина¹⁶⁹ жил,¹⁷⁰ хлеб ел и пшеницу я у них клевал, как ¹⁷¹жа добра им не хотеть? Тому и бог не поможет, кто хлеба и соли не помнет.¹⁷² Хлеб соль великое дело, без ¹⁷³него человек¹⁷⁴ не может жить ни единого часу.¹⁷⁵ А ныне ¹⁷⁶твой есмь¹⁷⁷ раб¹⁷⁸ до смерти,¹⁷⁹ и ¹⁸⁰добра хотети».

И рече кuru лисица: «А ты меня, смер(д),¹⁸¹ смердиною¹⁸² зовеш и ¹⁸³детей моих¹⁸⁴ соромотиш,¹⁸⁵ за то тебе быть снену от меня.¹⁸⁶ Слы-

137 *доб.* смерды И. 138—139 *проп.* И. 135—139 али ты с ума съзбрел, али ты во сне что не гаразно видел, и люди по твоему крику услышали и учили от (на своего ставати и меня увидели Ж. 140—141 на конях с копыями и с луками Ж; с пилами И. 142—143 *проп.* И. 143—144 как бы на них разгон или кабы отца погубили И; кабы я у них отца убила или матер убила, не гналися бы за мною Ж. 145—146 меня убить Ж; мою голову скусить И. 146—212 большой пропуск в сп. Ж до рассказа о приглашении в просвирни; вместо всего отрывка читаем слова, которых нет больше ни в одном списке: «Неповинна моя душа, хотя за мною и ездит и сами с убытками приехали домой: иной ногу изломил, иной голову сломил, иной руку изломил, иной ногу переломил, иной руку вышиб, иной шалку потерял, иной рукавицы потерял, а кони иные многие лошади изпадали, и собаки на век без ног стали. Повинен ты еси смерти, потому что мало меня лисицы не убили безвинны, а люди стали увечны и без живота от твоего крычания Ж. 146—147 А что у них великого дару хотела поместья или вотчины, толко бы мне едино куря кормленое, ино бы мне и полно, а сова блядь. потхилое гузно И. 148—149 *проп.* И. 150—151 ни в ближнем соседстве, а коли ею мужа не изоймет. но и та без куря за стол не сядет, а ты меня, лихой человек И. 152 аки простую И. 153 напасть И. 154—155 мал И. 156 *доб.* богат, а большим и сам людем И. 157—158 у меня не смеет отнять И. 159—160 велмоза И. 161—162 *проп.* И. 163 *доб.* мати И. 164—165 писано во святых книгах И. 166 *доб.* единого. возлюбит, а другаго возненавидит И. 167—168 *проп.* И. 169—170 *проп.* И. 171—172 за их И. 173—174 меня И. 175—176 госпожа мати лисица И. 177—178 человек и И. 179—180 тебе И. 181—182 материю И. 183—184 ты меня и тем И. 185—186 *проп.* И.

шала я¹⁸⁷ притчу: одному господину служить, а другому не грубить. А ты б меня тогда не оскорбил, а мужикам не дружил, а сам ты от меня теперь от смерти не избудеш». ¹⁸⁸

И рече кур лисице: «Госпожа моя лисица, ¹⁸⁹ не одолей злобу злобою, одолей злобу благостынею. Царь же Давид написа: блажени милостиви, яко ти помиловани будут от бога. А я, госпожа моя лисица, ведаю и сам то, что аз недостойн птицам небесным и зверем земным ясти. Не одно время в полунощи зовуще, бога прославляюще. Помниш ли ты, госпожа моя лисица, при распяти господни рече господь Петру: Петр, трижды ты от меня (л. 54) отвержися. Петр же рече: господи, ниже не отвергуся от тебя николи же».

И рече куру лисица: ¹⁹⁰ «Ты на то ¹⁹¹ надеешися, что грамоте горазд, ¹⁹² и отвещати умееш. ¹⁹³ И тем ¹⁹⁴ тебе ¹⁹⁵ не отговоритца. ¹⁹⁶ Повинен ты еси смерти. И тако мне тебя есть не для твоего храброго перья, для твоих неправедных и небылых словес лживых».

И рече кур лисице: «На чем ты еси, госпожа моя мати лисица, слово молвила, тем быть». И оправилася еси. Рече же кур лисице: «Госпожа моя лисица, ¹⁹⁷ человек ты еси не ратной, и ратного оружия у себя не имеши. Прелстила ты еси меня лестными своими словами ¹⁹⁸ и лживыми. ¹⁹⁹ Поручил тебе меня бог в кохти за мои ²⁰⁰ великия ²⁰¹ грехи ²⁰² и за мое безаконие и безумство. ²⁰³ Пощади, госпожа моя лисица, не ²⁰⁴ отжени [класа] ²⁰⁵ незрелова и не пролей крови неповинныя ²⁰⁶ напрасно». ²⁰⁷

Лисица же удивися ²⁰⁸ курову премудрому ²⁰⁹ ответу, и ²¹⁰ она ш згнела ево крепко, ²¹¹ хотела куру живот скончатъ.

²¹² Завопил же кур великим гласом и рече: «Дай мне, ²¹³ госпожа ²¹⁴ моя лисица, ²¹⁵ единое слово прамолвить. ²¹⁶ Звал меня, ²¹⁷ госпожа моя лисица, ²¹⁸ крутицкой митрополит в подьеки, глас мой хвалил ²¹⁹ велми сам митрополит, ²²⁰ а петь бы мне у него на омбоне дишкантом тонко и высоким гласом. ²²¹ И ты, госпожа моя лисица, (об.) отпусти меня, и аз стану давать

^{187—188} еси, богу молися и бесу не груби, меня еси смерти не избавил И. ^{189—190} отверзся от меня трижды И. ^{190—191} смерд напсолиты И. ^{192—193} проп. И. ^{194—195} от меня И. ^{196—197} и божественными словесы не отмолилися. Лисица молвила: правда, я то такова, что растовская дуда Госпожа лисица, что дуде слово, дуда есть игра скаморощья И. ^{198—199} проп. И. ^{200—201} за повинныя И. ^{202—203} проп. И. ^{204—205} нарешь класа И. *здесь гласа;* ^{206—207} проп. И. ^{208—209} скоро мудрому и скоро умному его И. ^{210—211} замахнула крыле И. ^{212—213} и отвеща кур лисице Ж; кур же рече И. ²¹⁴ *доб. ты мати Ж.* ^{215—216} проп. Ж, И. ^{217—218} в те поры Ж; проп. И. ^{219—220} проп. Ж, И. ^{220—221} и я в те поры голос свой уставливал и учился аз в те поры книжному учению и велел митрополит в те поры быть на крыласе, прилучился празник пение, а то ты, лисица, за те моя слова агневилась Ж; стоять мне на анбоне и пети деменством И.

тебе оброку з году и в год, чем ты изволиш пожелаеш брать. Что мне дает митрополит, то я стану тебе давать.²²² А буде ты,²²³ госпожа моя лисица,²²⁴ пожелаешь сама во власть итить, и мне можно упросить²²⁵ у митрополита,²²⁶ поставлю и я тебя в чин в просвирнической. И тебе будет добро канун(ы) молить, госпожа моя, сладкия,²²⁷ а просвиры мяхкия, а приходу²²⁸ очень много. Да я же тебе оброку стану платить сверх того по пятидесят рублей на год».²²⁹

²³⁰ И рече куру лисица:²³¹ «Подума(ла) бы я на²³² такую²³³ власть²³⁴ пойти,²³⁵ и ты меня²³⁶ обмановаш. А когда я была галадна, и когда я была недобычна, и тогда я приходила х крестьянину на двор, где у него сидят куры, и тогда б я тебя, злова человека, погубила б. А когда будеш у митрополита в подяках, а я буду в просвирницах, и ты,²³⁷ лихой человек,²³⁸ огласиш меня митрополиту небылными словами, а я тогда от тебя, злого человека, и от небылних твоих неправедных словес и до конца погибну. И мне гавариш, как бы тебе от смерти своей избыть».²³⁹

²⁴⁰ И рекла куру лисица:²⁴¹ «Не сули ты мне журавля в небе, токмо²⁴² дай синицу в руки.²⁴³ Не сули мне в год, сули в рот.²⁴⁴ (л. 55) А ты у меня и сам²⁴⁵ в руках,²⁴⁶ не дарого мне твое красное²⁴⁷ перья²⁴⁸ и твои лестныя слова. А я теперь сама галадна, хочу я тебя скушать, чтоб мне с тебя здоровой быть».

И тако сконча живот куру.

221—222 *проп.* Ж; и буди, госпожа моя, пустиши, и аз тебе свой оброк давать буду з году на год, чем меня ни обложиш, а будет жа, госпожа, прости меня пустишь И. 223—224 *проп.* И. 225—226 *проп.* И. 227 *доб.* госпожа лисица в просвирницы ино, госпожа, каноны сладкие И. 222—227 ты, мати моя лисица, послушай моих речей, я тебе сын, ты мати моя, устрою я тебя у Крутицкого митрополита в просвирницы и божественныя кавуны сладкия Ж. 228—229 многия, а будеш ты исть сахар, а пить сладкой мед, а от людей будеш почтена Ж; волость большая И. 230—239 *проп.* Ж. 230—231 *проп.* И. 232—233 *проп.* И. 234—235 *проп.* И. 236—237 *проп.* И. 238—239 и в путь учнешь облагать напрасно, и мне от тебя и тут погинуть будет. И ты, чадо мое возлюбленное петушек, тем ты меня не халуй, да не лети И. 240—241 *проп.* И. 241—242 «если ты мне жалованье Ж. 243—244 *проп.* Ж, И. 244—246 *проп.* Ж. 245—246 во блаженных лапах за курайти мечь И 247—248 гребень Ж, 248—249 дорого мне твое курово белое тело. И нача лисица кура потребляти и кура потрепа и сконча его всего и кости его забиша. То тебе, кура, за то, не пой рано, не буди людей, не вводи их в убытки. Куру вечная память, а лисице во веки слава Ж; И опованы глас, дорого мне твое белое тело. И тако лживая лисица сконча живот, а петуху вечная память, попу корова, дячку кувшин браги, а просвирни кувшин молока, а пономарю книга, а кто прочитал, тому сто рублев в мощню, а хто слушал, тому по колачу, а кто не мешал, тому ничево И.

Сказание о куре и о лисице Захарьевне.

Сидит кур на прекрасном древе и перебирает свои перья и запел своим прекрасным гласом. И на ево глас пришла лисица и увидела ево на древе и звала ево со древа: «чадо мое милое, прекрасны куре, возлетел ты на прекрасное древо, красота твоя неизреченная, а косы (об.) твои висят до земли, а глас твои до небеси. На древе сидиш, а ничего ты не знаеш, что есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек. Соиди со древа ко мне на землю и прими от меня праведное покойние». Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил выше на древо и рече кур: «А ты кто еси такова?» И рече ему лисица: «Аз есть духовная жена лисица, прощаю и очищаю всякому человеку грехи». Отвеща кур лисице, «Прямая ты лисица Захарьевна. Слышал я про тебя (л. 262) от крестьянина, что ты старая воровка и обманщица, сука ездава и ездиди ты окола древа, прямая ты блять курятница и лестуха и лизунья и блинница, а не добрая ты жена. Поди ты к заицу от меня, обманываи ево, а не меня». Рече лисица куру: «О куре, бог тебя судит, что ты меня ослезил и обесчестил и всячески называеш, а я на тебя не могу насмотретися и везде я тобою похваляюся».

Рече кур лисице: «Что ты меня во всех словах своих обманываеш, (об.) чтобы я к тебе слес, а ты бы меня съела. Лутче мне здесь на древе сидеть, а к тебе лисице не лесть. Во что бог не поставит». Рече лисица куру: «Как тебе бес покойния умереть? Послушай не меня, послушай божие слово: неки два человека идоша в церковь помолитися богу, един фарисей а други мытарь. Фарисей не покаялся, в муку пошел, а мытарь покаялся, в царство небесное пошел. Буди и ты примеш от меня праведное покойние, то царство небесное получиш» (л. 263). Кур же слышав от нея тяшкое слово и скочил з древа на землю и поклонился лисице до земли. Лисица же ухватила ево за крылья и вывела ево на поле и стала ево бить и колотить об землю. Лисице кур закричал: «То ль мне от тебя праведное покойние?» Лисица же рече куру: «Ненависник ты рода человеческого, закона преступник, бога ты не боишися». И рече ему притчу: «Неки человек женился, возмет себе первую жену, но первая жена умрет, поемлет вторую, а буде вторая умрет, поемлет третью. А ты, бес, имееш у себя жен со ста. Да дересса с своим братом, меж своими женами до крови. Воскресение христово и празников господних не чтеши. Недостойн еси ты покойния. Только достоин смерти». Рече кур лисице: «Помниш ли, что в бытейских

книгах писано: родитесь и плодитесь и наполните землю и обладайте ею». Рече лисица куру: «Буди ты, бес, стал со мною от книг говорить, помниш ли ты свои грех: в некую пору была я госпожа голодна, в те поры ела я злое коренне хрен (л. 264) да ретьку и то ретко. От того я голодна была, пришла я в деревню х крестьянину на двор, искала, где у него куры сидят, и хотела единого куренка унести тихонько. А ты, бес, скричал своим озорным гласом, в те поры хозяева услышали и за мною побежали, бабы с кочерьгами, девки с помелами, будто за душегупцом. В те поры хотела я госпожа головы отстать, а ты, бес, кресьянину не пособил, а меня такую госпожу осрамил (об.) А ныне кто тебя от моих рук отимет». Рече кур лисице: «Помниш ли ты, что старые люди говаривали: по которой де реке плыть, тою славою слыть. Да не может един рап двум господином служить, единого возлюбить, а другого возненавидеть». Рече лисица куру: «То мне любо, что ты меня матерью называеш, тем ты не люп, что всячески бесчестиш (л.265), за то я тебя съем. Да еще я тебе слово скажу: есть на тебе тяшки и велики грех паче всех человек, погубил ты душу кума моего волка. Захотелось ему милому нутром боранинки или поросятинки и он пошел бедной в деревню х крестьянину на двор и хотел единого борашка тихонько, чтобы хозяин не слышал, а ты також закричал; в те поры смердя мужики (об.) крапивные семена услышали и за кумом моим волком погнались с работниками и с тапорами и с собаками и догнали его и убили его и кожу сняли с него, что с ярушки». И лиса Захарьевна завернула куру крылья и хочет ево съести. И кур закричал громким гласом: «Не еш ты меня скоро, даи ты мне бедному слово молвить: звал меня Крутицкой митрополит к себе жить, и я о тебе могу упросить, чтоп тебе в больших просвирнях быть» (л. 266). Рече лисица куру: «Не сули ты мне журавля в гот, даи мне синицу в рот. А я тебя съем». Лиса кура съела и перья разметала, никому нечего не давала. Куру смерть, лисе слава, дякону сала, попу корова, дячкам желвак, поваморю болеток, просвирне курок, и всему тому конец.

3

Начинаетца починаетца добрая повесть от сивка от бурка от вешчаго Каурка. Это не сказка, а присказка. Сказка будет в субботу повечер, когда поешь мяккого хлеба.

Шла мати лисица мимо кресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка. В заднем нашести с курятами в одном месьти сидел вор Петуша. Он услышал, крыльям схлопотал, ногами

стопотал и крысным могучим гласом возопиял. Мужики услышали, оружия хватали; бабы лопаты, стары старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки.

Пошла мати лисица в лес, как горбатый бес, да три дня под ивовым кустом пролежала. Стала погода ясна, вылетел петух на дерево красно, взъехала мати лисица око ясно: «Шо же ты, вор Петуна, летаешь, бед избываешь, али нас зверей увидаешь?» — «Да, мати лисица, вас зверей увидаю». — «Эх, вор Петуше, не бывать тебе в пресветном раю, не пивать тебе из медной чяшы». — «Но, мати лисица, вижу в тебе много лесьти, хочешь ты меня съесть». — «Вор Петуше, я 30 лет мясного не воскушаю». — «А не ты ле шла мимо хресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка? А я сидел в заднем нашесте с курятами в одном месьте. Я услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, крысьным могучим гласом возопиял. Ты пошла в лес, как горбатой бес». — «О, то не я была, то друга была. Есьли я бы знала, ведала, то с пула кожу содрала. Эх, уже 30 лет я мясного не вкушаю, не бывать тебе в пресветлом раю, не пивать из медной чяшы». — «А пошчо, мати лисица?» — «А потому шчо мужык одну жону имеет и кажный год на исповедь ходит, а ты сем жон имеешь, и ни один раз в год на исповедь не ходишь».

Вот петушок и призаслушался. Стал съ ветки на ветку перескакивать, упал на сыру землю. Мати лисица схватила в когти, впустила ногти, заворотила крылья на сторону. — «О, мати лисица, тяжело твое покаяние, видно мне в том сьмерть будет». — «Да, вор Петуше, видно сьмерть. Когда мне была нужна крайна, сьмерть голодна, я шла мимо хресьянского двора, хотела вытащить из куретника куренка, а из телетника теленка, а ты сидел в заднем нашесте с курятами в одном месьте. Не врагуш ле тебя подколола, ты услышал, ногами стопотал, крыльями схлопотал, и красным могучим гласом возопиял. Мужыки услышали, орудья хватали, бабы лопаты, а старые старухи ухваты, а малы ребята мутовки, колотовки. С того горя и печали я пошла в лес, да вот три дня под етим кустом пролежала». — «Мати лисица, ведь я жыл то у хресьянина да служыл то хресьянину. А есьли буду жыть у тебя, так и служить тебе буду. Мати лисица, я знаю месьтечко прекрасно». — «А где?» — «В просьвер. Ты будешь подпекать, а мы будем подьедать да матерь лисицю проздравлять».

Мати лисица приослушалась, в коготьках приослабила. Петушок спорхнул, полетел. Садился низенько и близенько и клаялся низенько. «Проздравляю, матерь лисица, в новом чину, ешь хрен и ветчину». Вот

и пошла мати лисица еше дальше в лес. Тут шла, шла, шла... (дальше, как и в варианте Ончукова, идет сказка о том, как журавль учил лису летать).

4

(Л, 108) Повесть изрядная о куре и лисице како его
прелстила лисица

Настоящаго сего нынешняго века у некоего было небогата человека
Кур некий со многими женами живяше, яко же ему обычай тако бяше.
И во един от дней той кур пряскорбел, и со клеветы своими тогда мало пел.
И в то время курица с нашести своей спехнула, и та курица упадши на
землю и не дохнула.
Кур же от тоя незапныя смерти ужасеся, и вспомянув смертный час от
страха весь потрясеся.
Конечно будет и мне незапно умрети тако, и о сем плакася горко и раз-
мышляше всяко.
И в толикой скорби и в печали вышел на улицу погуляти, како бы хотя
малую отраду сердцу прияти.
И ходя по улице умом своим размышляше, и о всяком деле от сердца ташко
воздыхаше.
Грехи своя великия пред богом всегда воспоминая, и о невоздержании блуда
себя проклиная,
Понеже со многими женами грехи содеявая, а никаких себе праздников не
зная.
И тако пошед в темную дуброву посидети и к жилищу своему место себе
посмотрети,
Где бы ему безмолвно одному пожити, в посте и в молитве себя потрудити,
И како бы от грехов и соблазна избыти и доброде(об.)телно одному на земли
пожити,
А прежние содеянные мною грехи потребити и прощение себе от бога
получити.
Женских лиц не точию где их видети, но чтоб и гласа их не слышати.
И тако ходя по дубраве то куре доброгласное и смотря возлете на древо
красное,
Нача с высоты того древа семо и овамо назирати и ко спасению своему
купнаго жителя искати,
Пред ним же бы горко восплакался и о содеянных своих грехах ташких
покаялся.

И тако сидя на оном древе весма себе смирился и горко о содеянных им
своих грехах тяжких прослезился.

Мытаревым гласом в себе подражая: «боже милостив буди мне грешному»,
взываяи.

«Согреших, господи, на небо и пред тобою, да буди воля твоя святая и со
мною.

Точию не отрини мене во многия грехи впадша, и никогда же от покаяния
моего не оставша».

И глядяше кур прекрасный семо и овамо, и не веды себе водворитися камо.
Зане един никогда не живяше и того ради сумнителен бяше.

И тако он на древе многое время сядяше и на вся страны умилно зряше.

И абие нечаянно мимо того древа лисица идяше, где оная потребу себе
имяше.

Кур же видя ея встрепехнулся (л. 109), мало возвеселился, и от уныния
забывся толко пошевелился.

Лисонка же послышавши опасно остановилась и на вся страны осмотрилась.

Потом же возвед око свое ясное на курово древо прекрасное,

И виде ево кура печална суща, слез полны очи имуща,

Познавши ево, борзо к нему притече и весма радосным гласом к нему
рече:

«О курушко, мой друг и приятель, и великий благодетель и питатель!

Откуды ты взялся, моя радость, и кто тя принес сюды, моя сладость?

Ты ли еси, о куре, чадо мое¹ любезное, почто так видение твое слезное?

Отвещай мне, ты ли, утешение мое доброгласное, или стень мне
кажется, о чадо мое прекрасное?

Ах, курушка, чего ты ради в пустыню сию вселяешия, и в красоте своей
велми изменяешия?

Рцы ми, любезное мое чадо, красоту ли пустынную назираеши, или от каких
бед себя избавляеши?

О чадо мое, нас ли зверей видети желаеши, или в сей пустыни купнаго
жителя себе избираеши?

Душу ли свою от грехов спасаеши, что многия слезы проливаеши?

Или некую страсть от себя на время отсекаеши, понеже неслыхано zde нам
являеши?

(об.) Повеждь ми, чего ради един тако обитаеши, и почто тако велми себя
утруждаеши?

¹ Разрядкой отмечены в издании стилистические совпадения стихотворной редакции с прозаической.

О, чадо мое любезное и драгое, дажд ми ответствование сладкое и благое». Сия же слышав, кур печаль свою остави и на всякое ответствование лестви от себя востави.

Кур рече:

Слышу, добры зверю, доброе твое приветство, и дарую тебе от себя ответство. Точию молю твое любовное ко мне вещание, даруи и ты от себе извещение. Вижду бо тя зверя не проста суша, но великаго разума имуща. К сему же разсуждаю быти тя спасенна, и пророческаго лара сподобленна. Я чаял, что ты меня не знаеш, а ты и именем меня называеш. Аз бо прежде сего тебя нигде не видал, и ни от кого о святыни твоей не слышал.

Изволь мне поведати, како себя нарицаеши, и чего ради в сию пустыню притекаеши?

На время ли ты в пустыни сей пребываеши, или всю жизнь свою тем забавляеши?

Пут ли свой толко точию преходиши, или ходя чего здесь ищеш?

Научи меня, как милость твою знати, (л. 110) и еже бы ты именем называти.

Желаю с тобою беседование творити, и о некоторых вещах тебя вопросити.

Приидох бо зде на некое время и принесох с собою грехов своих бремя,

Их же тягости хошу избыти, и спасением прощение себе получитьи.

И назираю с высоты сея, кого бы вопросити, кто бы мог сию мою тягость носити,

Ему же бы усердно о всех своих грехах исповедался, и в волю ево конечно бы предался.

Ты же, зверю пустынный дивый, дажд ми о сем ответ правдивый.

Лисица рече:

Благое, куре, избрал еси дело, начинай его творити смело.

Кающихся бог готов принимати, а ты, курушка, не благоволи сего времени отлагати.

Но о сем мне недоумение положиши, и великое сумнение о тебе сотворися.

Дело бо твое мнится очень мне несогласное, аще и глаголеши, чадо мое доброгласное.

Не вем бо ты меня яко искушаеши, не вем и вправду меня не знаеши.

А что о имени моем, курушка, вопрошаеши, и тем ты мне, друг мой, весьма досаждаеши.

Но к чему тебе, любезное, мое именованье? точию внушай мое пре-(об.) быванье,

Которое сотворю тебе известно, чтоб было как тебе, так и твоим женам
нелесное.

Аз, чадо мое, курушко прекрасное, и курушко мой доброголасное,
Я есмь в сей пустыни многолетно пребываю, и по вся дни ее сама назираю.
То бо мое любезное здесь жилище, при растущих в ней сладостной мне
пище.

Знатно и ты, свет мой, сего видети желаеш, того ради здесь, свет мой,
пребываеш.

А я приходящих сюда любезно принимаю, и кающихся исповедание от них
снимаю,

Руце мои радостно простираю, и всех их приятелски обнимаю.

С великолюбным тщанием всякаго встречаю, духовно беседовах и честно
в дом их провожаю

И наставляю, как кому жити требно, чтоб всякому з душею внити в небо.
Аз грехом твоим дарую прощение, и душеспасительное возве-
щение.

Сниди ко мне, чадо мое, да тебя целую любезно, понеже зрети мне на
тя слезно.

Сниди, радость моя, курушко, я с тобою побеседую, и некоторую тайну
тебе тихонко поведаю.

Понеже я премудрости многи умею, да и тебя неумеющаго ко всему седею.

Из младых бо лет я в школах училась, а остротою разума добре умудрилась.

Аще хочещи испытати, какіе му (л. 111) дрости во мне, то без сумнения
сниди со древа ко мне.

Аз бо давно здесь водворилась, и пророчествию дара сподобилась.

Я знаю, как тебе грехи своя потребити, и со всеми святыми в небе тебе
быти.

Всех бо сия мудрость моя обемлет, и назирати вас око мое не дремлет.

Хотя я в мирских суетах не бывала, токмо многие случаи в мире видала.

А про твое житие, свет мой, не точию слыхала, но и конечно тебя самага
еи еи знала,

А обращении твоём присно умоляла, и пред ним, светом своим, часто
предстояла,

Руце свои на небо воздевающе и многие горестные слезы проливающе,

Имя твое, курушко, воспоминающе, и никогда из уст моих не выпускающа.

Давно я с тобою видется желала, того ради око мое часто на тя взирала.

Времени же токова никогда не улучила, и тебя бы, курушко, тому знать
научила.

И так бы тебя могла умудрити, чтобы ты не мог и ни единого греха
сотворити.

И ныне я, свет мой, тобою не гнушаюсь, толко снития твоего тшательно
дожидаюсь.

Не отлучайся, любезное мое чадо, и сошед сопричтися во избранное мое
стадо.

Аз яко мати чадо свое с любовию восприиму и (об.) на покаяние к себе
тебя, друг мой, приму.

Язвы твои греховныя врачеством моим свяжу, а в грехах твоих епитимьи
не положу.

Сниди, чадо мое, курушко драгое, и сотворю пред богом покаяние
тебе благое».

Кур же хотя во учении и не мног, токмо в разуме своем тверд и неубог,
Сидя на древе всячески размышляше, и словеса зверинные взяв себе
разсуждаше.

«¹ И книжными словесами услаждает, а его со древа к себе всячески прелщает.
Нет ли в нем какой злой лести, что известует мне таковыя благие вестя?»
Такожде и о сем крепко разумевае, почто де зверь имя свое сокрывает.
И умысли в нем пронырству быти, дерзнул ево паки о имени ево вопросити.

Кур рече:

Похваляю, зверю, науку твою глубокою и в разуме твоём предивно высокою,
И почитаю тя, о любомудрый зверю, и словесем твоим несумненно верю.
Но о сем нечто много усумневаюся, и некрепко на тя полагаюся,
Зане ты той ко мне милости не покажеши, и о имени своем мне не скажеши.
И того ради аз на древе беседую и не сниду, дондеже имя твое не сведаю.
Лисица на кура (л. 112) зело умилно зряше, и всячески об нем разсуждаше.
Како бы ево своим прошением умолити, и каким бы злохитрством уловити.
Но то ей стало пренятие великое, что о имени ея вопрошение ево толикое.
«И есть ли де ему имя мое не сказати, то никак ево з древа на землю не
созвати.

Дьявол ему в разуме сеет, что он со древа слесть ко мне не смеет.

Знатно де он нечто про меня слышал, или сам где меня видал.

Али паки сам собою меня признавает, что отговорки мне такие подавает.

Не хошет он ко мне со древа снити, и тем хошет незапной смерти избыти.

Да и сколько ему себя не беречи, а мне ево пришло стеречи.

¹ Здесь пропуск — в списке Q. XIV. 27 читаем правильное начало этого стиха: «Чесо де ради зверь сей тако ублажает» (л. 36).

Не на то он попал злодеи око, хотя и сидит на древе высоко.

Стану ево всячески караулить, хотя три дни и три ночи, потому что мы
кушать их охочи.

Ястия и пития с ним никакова нет, а захочет есть и сам ко мне сплывет.

Сиди же он на древе по своей теперь воли, захочет трескаться, спадет от
гладу ко мне и поневоле.

Мнится мне долго тому времени быти, чтобы голодом ево уморити.

Попытаюсь де ево еще известитца, авось либо де как нибудь (об.) на меня
и предститца».

И тако молчаша и довольно размышляше и наки ему глаголати начинаше.

Лисица рече:

Чадо мое, куруе любезное и доброголасное, возлюбил еси ты древо
сие прекрасное.

Вспомяни ты перваго на земли человека Адама, древа¹ из раю изгнанна.

Сниди с него скоро, тут бо орлы прилетают, да они абие тя растерзают.

Сниди, чадо мое, и не смущайся, и неподобными мыслями не прелщайся.

Что ты время сие продолжаеши и о грехах своих долго ся не каеши?

Привял бо еси ты намерение благое, да побеждает тя помышление злое.

Тем ты богу свету дасаждаеши, а наипаче от него грехами удаляеши.

Чем боло тебе пред ним богом горко плакати, а ты научился пустова многа
вякати.

Тебе боло должно неутешно рыдати, а не безделицу какую помышляти.

Гряди, любезны мои курушко, бог тя мною призывает, грехи твоя тяжкия
всемилоостивно прощает.

Остави древо сие, я некую радость тебе являющая вскоре же гибель твою
сокрывающая.

Что паче время не вразумишися, и зриши себя во злых делах неуми-
лишися?

Сниди ко мне, чадо мое прекрасное, курушко мой друг добро-
гласное,

Любезно бо на тя зрит око мое (л. 113) ясное, да знатно, что на дворе
время ненастное.

Сниди и творити начну ти совершение, да примемши от мене немалое себе
утешение.

¹ Доб. ради Q XIV. 27.

Кур рече:

О зверю, красная и сладкая беседа твоя меня удивляет и зело мудрыми
словесами умиляет.

Точию о сем велми я смущаюся, что имени твоего не допытаюся.

О нем же изволь мне открыти, и аз готов по воли твоей творити».

Радостна бысть лисица, что хощет кур к ней снити и во всем повинен ей
быти.

О имени своем лисица ему открывает и на снитие курово надежно уповае.

Лисица рече:

Изволь, курушка, батка мой, имя мое знати и тако мя имянно звати.

Что мне от тебя именов своим таятся, понеже вся пустыня мною красится.

Имя мое есть по божией благодати преподобная мати,

Святая лисица, старая красная девица,

Всем зверям и птицам мать духовница, чудова монастыря первая
просвирница».

Кур же ужасеся, на древе сидя, таковую преподобную мать видя.

И трепетен бысть, не знамо что и рещи, нача то помышляти, как бы от
нея утещи.

Хотя б нечестно да здорово было, а сердце уже во мне весма уныло.

Не ведает, как с таким зверем и быти, а знатно, что насилу де и живу
быти.

Ежели бы здесь люди были, то бы они меня от нея отбили, свободили.

Но по грехам моим прилучися, что блиско людей в то время не случися.

(об.) А ведает, что лисицы кур едят зело охотно, того ради она и беседует
доброхотно.

И тако, сидя на древе, повыше от нея поднялся, а от боязни едва у него
и ум не отнелся.

И великим гласом поюще закричал, да никто гласа ево не слышал.

Потом нача молитися божией власти, чтобы той преподобной матери в руке
не попастьи.

Чтоб не потерпел бог злой ея лести, и не дал бы его безвременно съести:

«А хотел бола я со древа слести и «покаяния двери отверзи ми» запети.

А пропев горко хотел расплакаться и в тяшких своих грехах покаяться.

Еще благодарю тя милостиваго моего бога усердия моего премнога,

Что свободил меня таковыя напасти и не съеден за всякия злости.

А впредь не потерпи, боже, ея злой такой лести и не дай, боже, мне
грешному умереть без вести.

А немного боло я на нее не прелстился, и на землю к ней проклятой чуть
не спустился.

И ежели бы о имени ея испытать не покусился, давно бы я ею потребился.
Ныне же не токмо к ней слетети, но не хочу на нее проклятую и очима
зрети».

Лисица же дозналася, что кур догадался и о имени ея велми убоялся,
Еще промысл свой к нему словесно деет и оболстить его тщателно радеет.
Паки на него умилно зряше и еще к нему глаголати начинаше:

Лисица рече:

О любезное мое чадо, доброгласное куре, что ты мятешися
в сумни (л. 114) телной буре?

Чесо ради неразсужден явишися и меня преподобной матери твоей боишися?
Аз, чадо мое, придох к тебе не прелщати, но на путь ко спасению твоему
провещати.

То бо мое присное художество, прощати грехов ваших множество.
Аз бо душу свою готова за тя положить и рабски тебе другу моему
послужити.

Ты же мниши, яко бы аз тя прелщаю, и яко бы неправду тебе провещаю.
Всуе ты жалуешся за мя богу, яко бы на тя нанесла печаль многу.

А такой ли я, свет мой, меры, чтобы не имеши мне в безделнице веры?
И пребываю убо в сей пустыни от своей буйной младости и до нынешней
глубочайшей моей старости,

А вить не бывало у меня того, чтобы я опечалила кого.
Мыслиши ты, будто я вас снедаю, а я уже давно и зубов у себя не имею.
И не точию что мясных ядей я снедаю, а я давно уже никакого варения не
вкушаю,

С сахаром и с маслом ничего не едала, а про иное слаткое кушанье и не
слыхала,

Ни пива ни вина и ничего никогда не пивала, а другие напитки я и в рот
не бирала,

Точию то одно я и знаю, что в посте и в молитвах непрестанно пребываю.
Про твою же красоту от многих людей слыхала, а часто тебя и самага
видала,

Что ты сын родителей неубогих, а к тому имаши и друзей у себя богатых
многих.

Великомудрых (об.) и самых разумных, а сам держишься мыслей своих
неразсудных.

Мастер ты книжнаго чтения и пения, а не имаши праваго разсуждения.

Людем ты сказуеши и воспеваеши, а сам себе не внимаеши.

Како ты бога не боишися, и будущаго суда божия не страшишися?

Зриши ли ты толикыя его долготерпение на твое великое и премногое
согрешение?

Он тя по своей великой благодати непрестанно на покаяние велит ожидать,

А ты наипаче от него покаянием удаляеши и грехи на грехи своя себе
претворяеши,

День от дни в новых грехах являешися и яко свинья в кале
валяешися

И тем великую богу досаду делаеши, что о покаянии своем нимало не радееши.

Мнози твои братья неопасно пиша и ядоша, и те незнаю все помроша,

Тела их без погребения погибоша, а души их все во ад снidoша.

Ты же не поревнуй таким падшим и памяти по себе не оставшим.

Полно, подумай, уже тебе то время пришло,

Пора себя к богу обратити и покайся прощения себе просити.

Ей, курушко, свет мой, душею моею всякаго блага тебе желаю, того ради
великое попечение о тебе полагаю,

Понеже зрю уготовавшуюся смерть над тобою, (л. 115) от нея же избави-
шися мною.

Изволь ко мне, курушко, скоро снити, чтоб тебе душу свою не погубити.

Аз тя с любовию примыша угощу и грехи твоя немедленно все прощу.

Также и в дом твой, проводя честно, ты отпущу и здравие тебе на многие
лета возвещу.

Кур рече:

То бы мне, мати моя, зело тебе, чтобы по известию твоему быти мне в небе.

Давно я святых книг охотны читатель и вечныя жизни я искатель,

Да видит, мати моя, всещедры бог, что не знаю, как сей час занемог,

И не могу к тебе, мати моя, снити, изволь ты ко мне сама на древо взыти.

А я с радостию покаяться тебе готов, понеже безвременно умрети не охочь.

Лисица рече:

О куре, матерью меня называеши, а словес моих не внушаеши.

Вижду тя, сын мой, что ты меня боишися, а во гресех своих неразсужден
творишися.

Остави, любезны мои, ту твою мысль злую, прошу тя, прими мою благую.
Поревнуи, чадо мое, мытарям и блудникам и всяким грехотворцем и
озорникам,

Како были яко скаредное блато, а очистились покаянием своим яко злато.
(об.) Помниш ли притчу о мытаре и фарисеи реченную, в триоде
постной всегда чтенную?

И ты поревнуй мытареву смирению, а не фарисеиву злу превозношению.
Высоко ты, курушко, сидиш, и высокая мниши.

А ты сниди ко мне, курушко, пониже, так же и к покаянию поближе.

Кур же рече:

Ах, мати моя предрагая, что сердце во мне трепещет, а покаяния на время
отмещет?

Понеже я боюсь твоей лести, знатно что хочеш меня съести.

И хотя zde от болезни и з гладу умру, а к тебе на покаяние един не
пойду,

Разве кто иной прилучится, а не сниду к тебе дондеже то случится.

Потому что от части твоей тебя знаю, того ради тебе я и не каю.

Лисица рече:

Кто тебе, курушко, донес таковые вести, что язык мой наполнен лести?
Сам бог тебе по мне порука, что я истинная покаянию твоему наука.

Духовница я [всем неустижная]¹ аще и мысль у тебя противная.

Истинно бы обо мне возвеселился бы, како бы от меня в дом свои пре-
селлся.

И стал бы ты здраво и безболезненно жити, и всяк бы имел тя везде блажити.

А я бы о тебе добрыя вести (л. 116) везде рознесла, а когда скорбиш,
я бы тя к дому твоему сама отнесла.

Престани, любезны мои курушка, от непотребной мысли, и о покаянии
хотя нескоро, а размысли.

А толко надобно богу покаяние во грехах принести, а чтоб в наиболшее
согрешение и во отчаяние не впасти.

Кур рече:

О, мати моя, мое бы покаяние пришло и близ, да не вижу у тебя ни
патрахили, ни риз.

¹ Здесь поздним почерком вставлено «всѣхъ персміама»; восстанавливаю по сп. Q. XIV. 27.

И ты изволь для того домои тещи, да для бога не забудь принести сюда
и свечи.

Аз в то время домои збегати потщуся, и со всеми своими честно прошуся.
А буде не прикажеш, то я и не пойду, я тебя здесь подожду.

Лисица рече:

Как тебе, курушка, то говорить хочетца словеса такия пустыя, а веть
и ты, курушка мои, птица непростая.

Впал ты [в] великия греховныя напасти, а не боишися ты божией власти.
О, горе тебе, куре, зло лютое, победило тебя отчаяние лютое.

Чем боло тебе горко плакати, а ты чтисья непотребно вякати.

На что тебе потрахиль, ризы и свечи, и чего ради мне для того тещи?
Такожде и тебе для чего з домашними прощатися, бутто тебе с ними по
смерть не видатися?

А когда ты грехи своя все избудеш, то конечно скоро и домои будеш.

Я веть, курушко, лисица (об.) а не поп, я надеюся не исповедует тебя так
и соборной протопоп.

Велено и друг другу согрешения своя исповедати, бутто ты про то не
изволиш и ведати?

Не лутче ли тебе все то оставити, и сошед ко мне, матери твоей, покаяти?
Я тебе, курушко, правду вещаю, а воистинну тебя не прелщаю.

Кур рече:

О, любезная моя матушка, а поглядеть на тебя, бутто ты прямая бабушка.
Полно словес моих себе внушати, о чем милость твою хошу вопрошати.
Не ты ли по ночам к вашестям нашим подходиш тихо, а нам твориш
великое лихо?

И мешаеш нам з женами спати и не даеш нам здоровым воставати,

Неопасных нас всегда ловиш, а не слышно, куды их относиш?

А ты бы изволила к нам в день ни тихо ходити и дело твое явно творити.

Лисица рече:

Послушай, курушко, ответа моего и не сумневайся, но воистинну словесем
моим уверяйся.

Хожу я к вашестям вашим по ночам тихо, а ничево вам не делавала лиха,
Потому что глупых псов опасаюся, а ничиго иного никогда не устрашаюся.

И пришедши любезно зрю на вас, каковы пребываете, и здраво ли вы
почиваете.

А кого из вас усмотрю заскорбевших како, и тех взявши ношу домой всяко,
(л. 117) И тамо им всем исповедь сотворяю, и всякое радение о исцелении
их являю.

Кур рече:

Да чего же ради, мати моя, домои они не бывали, и мы их давно уже не
видали?
И думаю я толко бы чуть они не погублены, и вечно¹ знать они спать.²
А в некое время выходил я за гуменное одверья и виде на земли брата
моего одно перья.

Лисица рече:

Многия из них долговременно скорбеют, того ради лекарство у меня имеют
и емлют.
А иные во епитимиях изволили у меня сами быти, а я дала им по воли их
творити.
Те здравы поют и ныне, изволиш себе с краснаго сего древа снити, а их
всех собою посмотрити.
А я с тобою к ним схожу, и всех их поименно расскажу.
И о том тебе, друг мой, курушко, будет верно, и ни в чем, душа моя,
несумненно.
А подошед поближе, изволь хорошенко запети, а к тебе на встречу
выдут все мои духовные дети.
И они тебе возрадуются душевно, о чем и слышать тебе будет полезно,
Да там жа у меня есть (об.) сестрицыни деточки, мужнены девочки,
Лисеночки изрядные и в разуме избранные.
А тебя они еще у себя не видали, разве от нас старух где слыхали.
И они тебе учтиво все поклонятся,
И ты их изволь пению своему научити, а я всеусердно рада их всех тебе
вручити.
А что сказываеш выходил де ты за гуменное одверье и видел брата своего
на земли одно перье,
И о том ты, друг мой курушко, не смущайся, не я то учинила, разве
другие звери, и ты не прелщайся.
Я в то время утреннюю пела, а слышала, как сава птица кура ела.
А то неложная, курушка, весть, что истинно та блядь кур ест.
А про нас говорят, будто все лисицы едят.

^{1—2} В сп. Q. XIV. 27 правильное: «бы от тебе не потреблены».

Кур рече:

Буде уже и тако, что сова кура съела, и несть твоей вины, веть не ты ей
велела.

А ныне немедленно в дом свой иди, и веры ради от унесенных тобою хотя
одного приведи.

А я бы с ним повидался zde, а то [ко] мне с тобою не придут все.

И увидевши того воистинну тебе вдамся, а не выдавши их, до смерти моей
не предамся.

Лисица рече:

Пребывают они по (л. 118) бозе и в воздержании моем мнозе,
Что и света сего мраморнаго не хотят видети, и ни гласа твоего, курушко,
слышати,

Разве мало когда поглядят в окно, а едят точию одно толокно.

Много у них ржи, овса и пшеницы, тако ж гороху, семя и чичивицы.

Да не знамо что враги они не клюют, а одну толко решную воду пьют.

А всегда они весело песни поют, да сами они уже к тебе не пойдут,

Разве тебя к себе мало подождут.

Изволь к ним не обленится, и сам им появится.

Да изволь к ним милость свою явити, и любовно их всех посетити.

А мне к ним итти невозможно, потому что твою милость опасати должно,

Кто бы нат тобою не учинил зла какова, здесь озорничества очин многа.

Кур рече:

Еще скажи мне, мати моя, иное дело, которое ты весма творила смело:
Некогда господину моему, путем идущу, и видех тя неложно курицу
ядущу.

Не той ли и меня сподобляеши чести, знатно хоцещи и меня съести?

Лисица рече:

¹ Губитель, како пред суд божи явишися, что и по се время с нами не
смиришися?

Окоюнной, господь глаголющих лжу конечно (об.) а за неправду изринет
в муку вечно.²

^{1—2} В этих стихах явная ошибка: первый должен начинаться словом «окоюн-
ной», а «губитель» есть искаженное начало второго стиха — «губит господь зло...» —
ср. в сп. Q. XIV. 27.

Разве то иная глупая лисица творила, а я бы ей за то и зубы искоренила.
В прошлых годах сказывают что были таковыя, а конешно то вести не
прямыя.

Сказывал тебе господин твой ложно, а посмотреть было тебе самому
должно.

Он тебе в пристрастие говорил, чтобы ты далеко гулять не ходил.

Кур рече:

О, мати моя, сказывал мне не один, что ты насилу ушла у них за овин
И тут де ты нимало не полежала.

Лисица рече:

Разве ты, курушка, сам за мною посмотрел, тогда бы ты мне и говорил,
А чужим словам бога ради не ими веры, говорить иное и глупо без меры.
А еще что слыхала, будто кузнецы ковали, а в то время вы куры лисицу
клевали.

Да я тому веры иму мало, знатно что едва то бывало.

Кур рече:

Слышал истинно и ото многих такие речи богато, что житие твое ¹очинь
не столь горбато.²

Говорят про тебя худо без меры, а я тому подлинно иму веры.
Имееш де ты во своей власти кушать нас паче всякой (л. 119) сласти.
И думаю я, что то слово неложно, того ради опасатися тебя должно.
Аще бы и сладостныя глаголы вещаеши, а сердце во мне слышит, конечно,
прелцаеши.

Лисица рече:

«Ты бы, курушка, спросил бы, друг мой, про меня в разуме многих, а не
таких странных нищих и убогих.

Сказали бы про меня начальные зверове лев и лвица, что я их премудрая
лисица,

Всякаго добра делателница, а воистинну никакая прелестница.

Сказали бы тебе и начальные птицы орел и орлица, что я их праведная
духовница,

То тебе сказывал некоторой бес, ложно сказывал тебе про меня дуброву
да лес.

А ты видно простосердечный неразсужден явился, и теми ложными твоими
словесы и соблазнился».

Тако лисица горко прослезися, что и кур велми удивился

И стал умилно рассуждать, а лисица с радости въздыхати.

И рече к нему жалостным гласом и умилно, что куру и зрети на ню стало
стыдно:

«О вселюбезный мой доброгласный кур, где твои сокрылся предивной ум?
Чего ради жестокосерд толико явишися, и чрез многое время ко мне не
умилишися?

Глас твой яко апостола Петра умилит, и плакатися горко сотворит.

(об.) Толикаго стыда ты тогда подкрепил, а сам ся ныне отчаянием ослепил.

Без покаяния тебе, курушко, невозможно быти, что рыбе без воды быти
и жити.

Я грешница аще и духовница нарицаюся, а по вся посты в году каюся.

Ты же от [т]воей буйной младости не бывал на покаянии и до сей твоей
старости.

О, милое мое чадо, незапной смерти убойся, и будущия бесконечныя муки
укротися.¹

Престани непотребныя беседы творити и пустоплодные слова говорити.

Влез ты на такое высокое древо, а стыдишися слезть будто какая дево.

Остави, любезный мой, назирати широту поля, а посмотри после покаяния,
тебе будет воля.

Доколе тебе в злых живущих себя не очищати, и грехи твоя пред богом не
извещати?

О, горе лютое на земли живущим, а никогда покаяния себе не имущим.

О любезное мое чадо, не отчаяся, и сошед мне матери твоеи покайся».

Видев же ея кур плачущуся умилися, и самому зрящу на ню велми
прослезися.

Слышаще словеса ея душеполезна, вздумал и вправду быти ей
яко она мати любезная,

И душевно об нем печалитца (л. 120) и желает, а о спасении его промысл
содевает.

Вспомянув грехи своя весь слезами облился, и на лстивые ея
словеса соблазнился

И смирен и кроток явился, и во всем воли ея покорился,

Понеже незапной смерти убоялся, и великим страхом обялся.

¹ Укройся. Q. XIV. 27.

И нача со древа спущатися книзу плачущи, с ветви на ветвь
скачуци.

Объятися¹ отверсти ми потщился запел, а [в]о слезах своих едва и свет
узрел.

И хотел боло скочити на траву, а лисица не обленилась, подставила
ему свою главу.

И рекла ему: «Благое дело избрал еси, чадо, вниди ныне во избранное мое
стадо».

И прием его во свои когти, да вцепила в него и ноhti.

Таже зверовидно на него взгленула, а кохтями своими крепко его
гнетнула.

И кур бедны необычным гласом завопил, а слезами наипаче землю
потопил,

Страхом весь вострепетал, и болезненно возстонал,

И от той болезни едва уста своя развлече и плачевным гласом к ней рече:

«О, возлюбленная моя мати, такой ли ты мне обещала благодати?

Того ли ради изволила меня призывать, еже меня грешнаго тако сокрушати?

То ли твоих сладких глагол збытие, что меня грешнаго (об.) проводиш
в небытие?

Таковаго ли воздаяния чаеши от бога, еже меня губиши нища и убога?

Чем я тебе оскорбил, или чем милость твою раздражил?

А ты сама меня изволила знать, кому бых досадил, или каковую обиду кому
учинил.

Я же у тебя ни жилища отнял, ни насилие какое устроил.

За что меня смерти предаеши, и безвинному суду погибелную горесть
подаеши?

Аз боло во умиление одеяхся, и тобою спасен быти надеяхся.

Аз чаях истинная ты покаянию моему проповедница, а не думал, чтобы ты
такая была прелестница.

И ты толко меня оболстила, а не во грехах моих простила.

Изволь ко мне бедному милость свою показать, и винность мою нескрyтно
мне сказати.

И дажд ми хотя малую отраду, и от кохтеи твоих острых ослабу».

Лисица на него зубами своими скрежеташе, и зело
яростно на него зряше.

Челюсти своя развергаше и скоро сожрати его хотяше.

¹ Объятия Q. XIV. 27.

Лисица рече:

А какая я тебе, злодеиниче мои, отрада, и от смерти настоящей ослаба?
 Потому что согрешение твое велико, что и говорить мне с тобою дико.
 И как ты безделник хочеш жив быти, достоин ты и с телом во ад снити.
 Како тя, всескверны враг, земля (л. 121) не пожрала, и незапно к себе
 чего она ждала.

Ни ты, скаред, бога боялся, всегда бледовал и людей не срамлялся.
 Ни ты судей страшился когда, блудящих насилывал всегда.
 Всему свету блудник ты явный, а к тому братоненавистник славны.
 По вся дни беззаконник ты согрешаеш, а прощения никогда от бога себе
 не прошал.

Как к тебе мне милость показати, и как мне тебя не наказати?
 Да что мне с тобою много и болтати, достойно тебя скорой смерти предати.
 За твои мерския насытныя сласти раб еси ты смертныя власти.
 И сам ты ведал, что жена едина иметь указано, да и стою иногда
 заказано.

Аще умрет тая, по нужде велено понять вторая,
 А с третьею же и венчания не бывает, а четвертая дому ради да
 и христианство отлучает.

Ты же, беззаконник, того дошел, что и Моисеев закон о пяти женах
 превзошел.

И мел ты у себя жон по 20 и по 30 и болше, и тот твой грех
 и татар горше.

И как тебя на покаяние принять, и как за тебя ответ богу дать?
 Лутче тя разве отдать градцкой казни, чтоб не было и другим такой же блазни.
 Но честнее тебя zde смерти предати, и без огласки тя скончати.

Кур рече:

Послушай, госпожа моя преподобная мати, не изволь меня скорой
 смерти предати.

Не погуби моего тела и души, и ответа (об.) моего словеснаго внуши.
 Изволиш ли помнитъ слово божие ко Адаму реченное, и вам, государыня
 моя, всем извещенное?

Раститесь, и плодитесь и умножите землю, и обла-
 дайте ея.

Аз того слова божия держался, и новому закону не внимался.
 И в том тебе ныне, мати моя, каюся, а впредь творити тако зарекаюся.

Лисица рече:

О, злодей мои, проклятой куре, что ты меня учиш, яко дуру?
 И сама я о том помышляла всяко, да невозможно свободити тя никако.
 Великои ты братоубийца и в зависти блудной ты кровопролица.
 Один бы ты блудил, а иных бы и до смерти убил.
 Сам ты то любил, а иных за то губил.
 И то себе ныне внемли, что уже не быть живу тебе на земли.
 Вижу я и сама, что тебе приходит тошно, а свободить тебя ей ей неможно.

Кур рече:

Помилуй мя, мати моя, беднаго и в скорби суцаго, ни откуда же помощи
 имущаго.
 Видишь ли яко хвор есмь и зело вреден, а на пищу тебе ей ей не потребен.
 Помилуй мя от сей смерти нечаемой, хотя и в муку буду нескончаем.
 О горко и страшно смерть живущим и всякое дыхание имущим.
 Лучче бы не родитися, когда смерти не свободитися.

Лисица рече:

Что ты мне, куре, докучаеши или себе и вправду живота чаеши?
 Истинно тебе глаголю, неложно, и никако тебе живу быть невозможно.
 А слез ты пролей хотя реки, но не свободжу тя и во веки.
 Осудила я уже тебя потребити, и никако тебе меня будет не умолити.
 Понеже многую досаду некогда от тебя принела, и таковой досады от роду
 себе не видала,
 Помниш ли ты, как на земли был глад,¹
 И от того гладу сердце во мне изныло, (л. 122) а купить пищи не на
 что мне было.
 И нечего мне было в то время есть, и я кушала лук да ретку и то
 в честь.
 И ходила я по лесу, збирала сморчки, да и то насилу видела и в очки.
 И тем себе срамоты многия доставила, а пустыннаго жития
 своего никак не оставила.
 И приходила к вам на гумно збирать колосу, а не чаяла я твоего,
 злодей мой, голосу.
 И хотела я тебя попостовать умилно, а ты увидевши меня и закричал
 унывно.

¹ Здесь пропущен рифмующий стих: «а ты в те времена был млад» Q. XIV. 27.

И со всеми курицами побежал от меня на двор, будто пришел по вас
какой вор.

И я, дождавшись ночи, пришла бола к вам и к нашестви и хотела
бола с вами вместе сести,

И от жон твоих желала бала попросить хотя яичко съести, и чаяла бала от
них себе чести.

А ты услышавши меня тогда взбесился, и чуть сам на меня не
бросился.

Послышавши господин ваш глас злодейской твои, с постели бросился,
и з домашними и с соседи согласился.

З дубьем и с кольем и со псами за мною бежали, и никто у них на
постелях не улежали.

А поймавши мя хотели до смерти убити, а кожу мою на шапках
изнести.

А все ты их взбунтовал, и подал им варам весть, будто я хошу у вас кур
есть.

А как бы на меня не те гладные времена и убогия, что не едала я истинно
дни многия,

И хотя бы мне господин твои кланялся ниско, звал бало меня честной
крестьянин Василиско,

Да ити было к нему слиско,

А хозяин твои (об.) хотя меня и не звал, и он бы с меня воли не снял.

Одною бы куркою и в честь мне поступился, а к нашестви бы не присту-
пился,

Видя меня духовницу честную, жителницу лестную.

Толики дальний путь полагаючи, и от глада своего изнемогаючи.

А взявши бы тое курочку домои отнесла, а она бы мне яичек нанесла.

И я бы от тех яичек иныя продала, а оставшия бы нищим раздала.

А на денги б себе калач купила, да в пустыню бы себе впустила.

И часы бы по времени отслушала, а калачики б со друзьями моими
покушала.

А ты, злодей, напрасно меня огласил, и людей за мною бежать взбесил.

Как ты, окаянный, надо мною тогда не умиллся, и немилостив ко мне
явился?

О всескарденый и всескверный куре, посмеялся ты мне, как деревенской
дуре.

И ни во что ты меня поставил, да и смерти бала великой меня
доставил.

Сова самая птичка плахая, в день слепая и глухая
 И та у вас кур ест чуть не всегда, а ты иное и не ведаеш когда.
 А я бала единожды к вам пришла, и тут от тебя насилу з бесчестием жива
 чуть ушла.

И таковые беды не видала себе от начала века, а все от тебя, скаредный,
 злаго человека.

Чего ради ты, злодей, мне духовнице тако досаждал, а честную деву
 з бесчестием от себя отогнал?

(л. 123) Годал, бутто какой ты богатой, и ты толко перьем хохлатой.
 Сам ты вить как осердился, а ко мне к прекрасной деве приттить не
 обленился.

Ныне попался ты сам в мои руки, натерпился самачьей муки.
 И сколько тебе со мною не балтати, а от рук моих себя не избавити.
 И как тебе не вертетца, а от меня никак не оттерпетца.
 Потому что грехи твои¹ нестерпимыя.

Кур рече:

Госпожа моя и мати лисица, премудрая ты духовница,
 Самая прекрасная ты девица разумная и во всех вещах духовница раз-
 судная.

Ведаеш, что один раб двумя господином не может ра-
 ботать.

А мирская, госпожа моя, пословица просто никогда слово не молвитца:

По которой реке плыть, та и вода пить.

А у кого жить, того и воля творить.

Хлеб пшеницу клевал, и волю ево содевал,

А ныне твою милость буду честно хранить, аще изволиш меня от
 нохтей своих свободити.

Лисица рече:

Что мне с тобою, куре, и беседа продолжати, время уже живот твой
 скончавати.

И много бала бродить, а такова времени не добыть,

Что сам ты ко мне ныне пришел, а меня бог на тебя навел.

И потом нача ему крылья вертеть, что несносно ему было терпеть.

Почел курушка пердеть.

¹ Здесь пропущен рифмуемый стих: «непростимыя и досады твои ко мне» — так в Q. XIV. 27.

Таже и главу ему отвернула, а сама от радости тако воздохнула:
 Ах, курушка, совершенная теперь моя радость, а плоти моей в насыщение
 и в сладость.

Перья твое оставаяся здесь, понеже жилище (об.) мое в лесе.
 Колико нам с тобою не ликовати, да расходится, а впрядь мне с тобою не
 сходится.

К о н е ц .

II. Повесть о попе Савве

Вторая половина XVII в. в церковной жизни Московской Руси была временем ожесточенной борьбы, вышедшей впоследствии далеко за пределы собственно церковных вопросов. Эта борьба началась задолго до так наз. «раскола», и обострение ее в эту эпоху было подготовлено всей предшествующей историей — организацией церковного управления, резким классовым расслоением духовенства, с одной стороны, а с другой, тем, что церковная практика слишком далеко ушла в это время даже от самых скромных требований церковного порядка.

Оппозиция против всякого рода «скверны» внутри церкви особенно резко обнаружилась в среде городского духовенства, пытавшегося путем обличений воздействовать на священнослужителей всех рангов. Настроение этой оппозиционной группы характерно выражено в подметном письме, найденном в Москве в декабре 1660 г.: «нести уже ни единого епископа, чтобы жил по-епископски, ни одного священника, чтобы жил по-священнически, ни инока, чтобы жил по-иночески, ни христианина, чтобы жил по-христиански; вси свой чин презреша: игумени оставиша свои монастыри и возлюбиша со мирскими женами и девицами содружатися; а попове, оставивше учительство, и возлюбиша обедни часто служить и кадило от грабления и от блуда на жертву богу приносить и мерзостное и калное свое житие всем являти, и благочестием лицемерствующесея, мняще частыми обедами бога умилостивити, недостойни и пьяни, помрачени различными злобами, и слова божия и слышать не хотяще».¹ Эти идеи разделял и будущий патриарх Никон, входивший еще архимандритом Новоспасского монастыря в московский кружок, организованный протопопом Стефаном Вонифатьевым. В сане патриарха он перешел и к другому способу водворять церковное благочиние, а заодно — и собирать недоимки с неаккуратных плательщиков особого патриаршего тягла; диакон Павел Алеппский, сопровождавший

¹ Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 97.

антиохийского патриарха Макария во время его путешествия в Москву, описывая разные исправительные меры, которые употреблялись в Москве в области церковного управления и благочиния, замечает: «при каждой палате патриарха Никона находилась темница с железными цепями и деревянною колодой. Если кто-нибудь из высшей монастырской братии или белого духовенства учинял какой-нибудь проступок, того засаживали в цепи, и он должен был просеивать муку для пекарни, пока не выполнит своего наказания... Точно так же и при епископских дворах были темницы с железными цепями и колодами, куда сажали непокорных».¹ Этому наказанию, между прочим, был подвергнут за какое то «бесчинство» в феврале 1655 г. Троицко-Сергиевский литератор, Симон Азарьин, уже заявивший себя печатными и рукописными трудами. Он был отправлен в Кириллов монастырь, и в прецроводительной грамоте патриарха Никона от 5 февраля 1655 г. предписывалось отдать его под начало «в хлебню муку сеять», а с монастыря до патриаршего указа не «спуцать».²

Одним из самых больших вопросов церковного устройства второй половины XVII в. был унаследованный от предшествующих веков и к этой поре особенно обострившийся вопрос о том, как пополнять кадры духовенства. По давно заведенному порядку население — и крестьянское и посадское — посылало по своему выбору ставленников, которых и посвящали в духовный сан. Каковы были эти ставленники в интересующий нас период, об этом красноречиво говорит грамота архиепископа рязанского Мисаила — документ 1650-х годов. В своей увещательной грамоте пастве он пишет: «Да сказали б есте в государевых дворцовых вотчинах и поместьях старостам и целовальникам и крестьянам: как доведется им посылать к нам ставленников, и они б посылали к нам ставленников срослых, в попы 30 лет, а во дяконы 25 лет. А люди были б добрые и благочинные, и искусны, и грамоте учены, а не здоршики, и не косторы, и не бражники, и не ярыжники. А молодых ставленников и воров и бражников к нам не присылать».³ Это предупреждение было вызвано той распушенностью среди местного духовенства, которую застал в своей епархии Мисаил: «А вы б соборные и иные священники и дяконы, потому и хмельного пития в домех своих не держали и по кабакам не ходили б и в иных местех нигде не пили.

¹ Л. П. Руцинский. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII вв. Изд. Общ. ист. и древн. российск. при Московск. унив., М., 1871, стр. 150—151.

² Н. К. Никольский. К истории наказаний писателей в XVII в. Библ. Летопись, вып. I, 1914, стр. 127—128.

³ Н. И. Дубасов. Рязанский архиепископ Мисаил. Ист. Вестн., 1889, октябрь, стр. 112.

А в церквах бы божиих везде у вас во вся дни без всякого церковного пения не было... а будет учнут попы нас ослушати и запивать ся и церкви божии будут у них без пения, и вы б, игумены, тех пьяных попов и дьяконов и церковных дьячков велели имать и сажать в смиренье» (стр. 111).

Низкое качество ставленников, как кандидатов на духовные должности, влекло за собой целый ряд злоупотреблений при их посвящении. За хорошую плату еле грамотного ставленника местный священник обучал двум-трем молитвам, которые тот читал в присутствии архиерея и получал посвящение. Поборы со ставленников доводили их подчас до полного разорения. Доход с них был настолько значителен — так как кроме этой неофициальной платы за обучение, и за самое посвящение полагался налог, — что патриарх Иосиф, не желая выпускать его из своих рук, отменил старый порядок и запретил в своей области сельскому духовенству ставиться у ближних архиереев. Все ставленники, по его распоряжению, даже из местностей, отстоявших от Москвы на 800 верст, должны были итти ставиться туда и платить непосредственно в патриаршую казну. Такой порядок сохранялся и при патриархе Никоне. Московскому духовенству открылась широкая возможность обогащаться за счет этих ставленников, которых надо было как-то готовить к посвящению. Какова была эта подготовка, об этом можно судить по тому, что жалобы на низкий уровень духовенства не прекращаются вплоть до Духовного Регламента 1721 г., проектировавшего в будущем полную отмену института ставленников: вместо них должны были назначаться воспитанники церковных школ. Тот минимум знаний, какой требовался от кандидата, не окончившего школу, формулировался так: «ставленником велеть изучить книжицы о вере и законе христианством, о должностях всех чинов, и пота оного не ставить, пока он наизусть не изучит. Приходящий ставленник да имеет в доношении известное от прихожан своих свидетельство, что его знают быть добраго человека. А имянно не пьяницу, в домостроении своем не лениваго, не клеветника, не сварлива, нелюбодейца, небийцу, в воровстве и обманстве не обличеннаго. Сия бо наипаче злодействия препинают дело пастырское и злообразие наносят чину духовному».¹

Отрицательная характеристика, каким не должен быть ставленник, была, конечно, продиктована жизнью. Ее подтверждают многочисленные

¹ П. В. Верховский. Учреждение духовной коллегии и духовный регламент, т. II, Ростов-на-Дону, 1916, стр. 83.

материалы, рисующие пьянство, корыстолюбие и распущенность духовенства Московской Руси, выраставшего из ставленников.

Все перечисленные выше факты из церковной жизни Московской Руси второй половины XVII в. делают для нас вполне понятной ту ситуацию, которая порождала сатиру на духовенство вообще и в частности создала повесть о попе Савве, сюжет которой касается непосредственно злоключений ставленников, попадавших в руки жадного и корыстного московского попа.

Повесть о попе Савве сохранилась всего в трех полных списках XVIII в. и одном небольшом отрывке 1730-х годов.

1. Лучший и наиболее полный текст читается в сборнике светских повестей XVIII в. собр. И. Забелина № 536, на лл. 47 об. — 49 об. (см. описание состава этого сборника — М. Н. Сперанский. Собрание рукописей И. Е. Забелина. Отч. Гос. Ист. музея за 1916—1925 гг., М., 1926, приложение, стр. 23). [З]

2. Список собрания Н. Тихонравова № 486, XVIII в., лл. 3 об. — 5 об., в сборнике, содержащем главным образом повести и одну драму (см. описание состава — Г. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, М., 1913, стр. 88). [Т]

3. Список Гос. Пуб. Биб. им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. О. XVII. 57, первой четверти XVIII в., лл. 378—379, в сборнике повестей; текст сильно сокращенный, особенно в последней части. [П]

4. Список Рукописного отделения Библиотеки Академии Наук СССР. 45.8.216. с дагой 1735 г. на об. л. 38, где помещен отрывок из 10 начальных стихов повести. Листок вклеен в более позднюю рукопись XVIII в., содержащую Сказание об Индии богатой и другие повести. Текст повести о попе Савве написан очень небрежно, затерт и местами читается с трудом. [А]

Герой повести — поп Савва «от Козмы и Домьяна из-за Москвы реки, а в приходе у него богатые мужики». В этом стихе дано вполне точное описание прихода нашего попа: за Москвой рекой была богатая слобода Кадашево с главной церковью Козьмы и Дамьяна. Эта слобода была местом поселения царских ткачей и мастериц полотняной казны. К началу XVII в. кадашевцы заняли своеобразное положение. Как дворцовые ремесленники, обладавшие широкими льготами жалованных грамот, они резко обособились от остального черно-посадского мира и были сильны своей близостью к хозяйственным интересам дворца. По сохранившимся документам видно, что оплата за ткань полотна хлебом была очень выгодна, так как эта нату-

ральная плата в пять раз превышала денежную. Отсюда зажиточность населения ткацких слобод, в том числе и Кадашевской.¹

Поп Савва — образец тех попов, у которых, как жалуется архиепископ Мисаил, «церкви стоят без всякого пения»: он тоже «в церковь ни ногою», и когда «люди в церкви богу молятся, он по приказам волочится». Не довольствуясь тем доходом, который давали ему его «богатые мужики», он «по площади рыщет, да ставленников ищет», «как бы ему их обмануть и к себе за реку стянуть», а заполучивши их, «по тех мест держит, покамест все деньги издержут». Это и есть точное изображение того положения, которое создалось в Москве после того, как по приказу патриарха Иосифа, все ставленники из обширной патриаршей области потянулись в Москву ставиться. Обучение будущих священнослужителей поп Савва начинает обещанием: «у меня хотя де за рекою стойте, а в церкви не пойте». Вместо того, чтобы привыкать к церковному делу, ставленники поливают у попа капусту в огороде, топят ему баню, пока он спит, а главное — платят ему и деньгами и натурой — вином и медом. В итоге, как «предвозвестила» Савве его попадья, он «над ставленниками наругался, так и сам в суд попался». Очевидно, даже в привычной атмосфере всяческих злоупотреблений над ставленниками бывали случаи, когда начальство считало себя вынужденным прибегнуть к карательным мерам.

Что же это за суд, куда «приставы» тащут попа Савву? Во второй части повести — «сне попа Саввы» — и в заключительном «смешном икосо» ему мы находим точные указания, что он попал именно в то патриаршее училище, которое, по словам Павла Алеппского, было устроено для провинившейся духовной братии. Во сне Савва увидел себя «в патриаршей хлебне на рогожине», а икос, подражая стилю акафиста, восклицает: «Радуйся, патриарша хлебня, видя тебя такова сидня. Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея». Очевидно, поп Савва исправлялся по рецепту патриарха Никона: закованный в цепи, он просеивал муку для патриаршей пекарни.

Как видим, повесть о попе Савве в полном смысле слова бытовой документ: начиная с точного и исторически верного описания прихода, она правдиво изображает приемы обучения ставленников и кончает опять-таки исторически правильной картиной наказания не в меру разгулявшегося попа. Все изображенные в повести факты не выходят из рамок второй

¹ К. Базилиевич. Кадашевцы, дворповые ткачи полотен в XVII в. Труд в России, 1924, т. 2, стр. 3—7; Акад. С. Г. Струмилин. Крепостная мануфактура в России. Ч. III. Дворцовая полотняная мануфактура XVII в., Л., 1932, стр. XXII и сл.

половины XVII в., и непонятно, почему издатель Забелинского списка ее С. Елеонский¹ в кратком предисловии к тексту датирует ее «первыми десятилетиями XVIII в.». В 1700 г. патриаршество было упразднено; в январе 1701 г. патриарший приказ переименован в монастырский. Откуда же через двадцать-тридцать лет после этого взялась бы «патриаршая хлебня?»²

И исторические факты, изображенные в повести, и самая литературная форма ее вполне отвечают обстановке второй половины XVII в., с развивающимся в литературе этого времени сатирическим направлением вообще и в частности с растущей критикой пьянства и распущенности духовенства, и наконец — с заметным тяготением в литературе этого периода к живой разговорной речи. С. Елеонский отмечает «чисто народный склад», «бойкие рифмы» повести о Савве. Эту общую характеристику следует значительно уточнить.

Повесть о попе Савве еще резче обнаруживает тяготение к пословичной речи, которое указано мною в языке «Праздника кабацких ярыжек» (Труды ОДЛ ИРЛИ, 1934, т. I, стр. 200). Оба памятника не только вставляют целые пословицы в свое изложение, но и прибегают к излюбленным пословичным рифмам. Уже заглавие повести «Сказание о попе Саве и о великой его славе» построено на привычной пословичной рифме, известной по сборникам XVII в.: «Был Сава, была и слава» (Симони. Сборники пословиц... I, № 167), «От Савы славы» (там же, II, 509), «От Савы хочешь славы» (там же, I, 2521), «Зделали славу — поколотили Саву» (Сб. пословиц 1779 г. Всен. Библ. Украины), «Доброму Саве добрая и слава» (там же), «Каков Сава такова ему и слава» (там же).³ Далее — несомненно бытовой факт, что поп Савва, служивший в церкви Козьмы и Дамияна за Москвой рекой, не любит ходить в церковь, — невольно оформляется у нашего автора по типу старых пословиц: «Живет он за Москвою рекою, а в церковь ни ногою» (Забелинский список пропускает «за Москвою») — ср. в пословице: «Живет за рекою, а к нам ни ногою» (Симони I, 979). В пословичной манере построены стихи «Хотя тебе непригожо, где твоя рожа» — ср. «Без глаз рожа непригожа» (Симони I, 331);

¹ Хождение попа Саввы, неизданная антиклерикальная сатира XVIII в. Публикация С. Елеонского. Лит. Наследство, 1933, кн. 9—10, стр. 106—111.

² Интересно, что эти стихи «Радуйся Савы шея... муки селя» сохранились только в одном списке: видимо, эта бытовая деталь в XVIII в. была мало понятна читателю.

³ С этой привычной к имени Савва рифмы во второй половине XVIII в. начинается свои стихи о купце Савве Яковлеве неизвестный автор — «Послушайте, я скажу вам Саву, какова, о Саве слава» Ркп. Уварова, 1561 (558).

«Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить», «Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит» — ср. «Баба ворожила, да головой наложила» (Сб. пословиц 1779 г.); «Радуйся, дурны нос, на лес глядя рос» — ср. «Глядя на лес не выростешь» (там же); «А васшта бубнов пушу» — ср. «Гол что бубен» (там же).

Без перемены автор повести вставил только две пословицы из известных в старых записях: «Бараденка выросла, а ума не вынесла» и «Глас народа глас божий», но вся рифмованная речь его — это именно тот склад, который, как видно по записям XVII в., вполне выработался к этому времени и, закрепленный на письме, не мог не оказать своего воздействия на литературу.

Но автор повести о попе Савве не ограничивается пословичными реминисценциями: вторая часть «сказания» — «сон попа Савы» — пародирует тип многочисленных народных песен, в частности постоянную формулу русских свадебных причитаний невесты. «Мало мне ночесь спалось, да много виделось» (вариант «... да много во сне вралось»), так начинается сон попа Саввы, в стиле песенных зачал: «Мне ночесь малодешеньке мне ночесь мало спалось, мне во сне много виделось» (Шейн. Великорусс в своих обрядах... т. I, вып. 2, стр. 402) или «Вечор none, матушка, мне мало спалось, мало спалось, да много виделось» (А. И. Соболевский. Великорусские песни, т. VI, стр. 21); «Как и нынче доброму молодцу малым то мало спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 497); «Мне малешенько младу спалось, много во сне виделось» (там же, т. I, стр. 498) и т. д. Эта формула заходит и в историческую песню о взятии Казани, где царица Елена так начинает свой рассказ о виденном сне: «Что ночесь мне, царице, мало спалось, в сновиденьице много виделось» (Сб. Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера, стр. 119).

Только последняя часть «сказания» делает попытку стилизоваться под книжно-литературную форму. «Смешной икос» построен по схеме акафиста, но все «книжное» ограничивается в данном случае только схемой и повторением начального «радуйся», как приблизительно через 200 лет это сделано Н. Щербиной в его «Хвалебной песне блаженному борзописцу некоему литературы ради юродивому» (Собр. соч., 1873, стр. 294). За исключением этого начального «радуйся», автор не делает никаких попыток приблизиться к церковной речи, резко отличаясь в этом отношении от автора «Кабачного праздника». Таким образом, «Сказание о попе Савве» по своей литературной манере гораздо ближе к устной традиции XVII в., чем к письменной.

Автором «сказания», по мнению С. Елеонского, мог быть один из ставленников, на что указывает форма заключительной пародии. Не возражая против этого предположения по существу, думаю, однако, что идеологическая установка «сказания» является в данном случае гораздо более надежной опорой при определении автора, чем литературное оформление. Так примитивно и поверхностно использовать церковную форму, как это сделано в «смешном иконе», мог, конечно, любой грамотный человек в ту эпоху.¹ Не только сам ставленник, но и те, кто его посылал, знали часто повторявшуюся в акафисте формулу, да и название этого акафиста «смешным иконом» не свидетельствует ни о каких профессиональных навыках автора. В конце концов вопрос о том, сам ли ставленник, обобранный московским попом, излил свое негодование в сатирическом «сказании», или это сделал свидетель злоключений его и его сотоварищей — не так важен, и рациональнее формулировать его иначе: из какого социального слоя московского общества второй половины XVII в. могла выйти сатира с таким настроением и в такой литературной форме, какую находим в «сказании о попе Савве»?

Те группы городского духовенства, которые в это время боролись с церковными не порядками путем обличений, вряд ли прибегли бы к «смешному икону» и довольно юмористическому изображению наказанного попа, очутившегося вместо своей «перины» на «рогожине». Не только литературная речь, но и самая манера изображения у этих «оппозиционеров» была бы иная.

Но ведь критическое отношение к духовенству в это время было распространено и среди тех широких масс крестьянского и посадского населения, которые и сами страдали от жадности духовенства не меньше своих ставленников. Это они — эти многочисленные «пасомые» — к XVII в. сложили о своих пастырях ряд весьма нелестных пословиц, большинство которых говорит либо о жадности, либо о пьянстве духовенства. Недаром любимая рифма в этих пословицах к слову «поп» — «клоп». «Попам да клопам жить добро», «Попы паствятся над мертвым, а клопы над живым», «Поп кабы поп, да лиха попадь», «Кому тошно, а попу в мошно», «Хорошо попам да поповичам, дураками их зовут, да пирогами им дают» (Симони, 1, 1900—1904, 1348, 2476); «Не грози попу плешью, у попа плешь

¹ И. Забелин (История города Москвы. М., 1902, стр. 623—624) относит повесть о попе Савве к группе «смехотворных и кощунственных статей», в ней «отражается сочинительство досужих и неистовых церковников» — так называет Забелин прославившихся в Москве в XVI—XVII вв. своим беспутным поведением так наз. «безместных» попов.

лавочка», «Не грози попу церковь, он от нее сыт бывает» (Сб. пословиц, Петров. Гал. №№ 571, 590); «Поп пьяной книги продал, да карты купил» (там же, 735); подметили прихожане и глупость поповскую: «Храбрых в тюрьме, мудрых на кабаке, а глупых искать в попех» (Симони, 1, 2395), и т. д. Таким образом, сатирическое изображение попа Саввы вполне совпадает с «гласом народа» о духовенстве: все слабые стороны его поведения паства понимала несколько не хуже, чем та передовая часть духовенства, которая громила и обличала в эту пору церковную «скверну». Но не имея никакой власти, прихожане могли только высмеивать своих духовных «руководителей». «Сказание о попе Савве» — еще один из образцов той литературной продукции, которая во второй половине XVII в. создается среди наиболее активной части крестьянской и посадской массы, ждущей еще того момента, когда вся общественно-экономическая ситуация даст в ее руки более сильное орудие в борьбе с существующим строем, чем то, какое представляла собой литературная сатира.

В заключение, несколько слов о недавно вышедшем издании Забелинского списка повести о попе Савве, приготовленном С. Елеонским. Предисловие к этому изданию, бегло касающееся вопросов об авторе повести, о времени ее составления, литературной форме, мною разобрано выше. Следует остановиться также и на самом издании. Вряд ли целесообразно было делать издание по одному, хотя бы и наиболее полному списку. Неудобство такого способа сказалось у С. Елеонского уже с первых слов текста. Так как в Забелинском списке отсутствует заглавие памятника, то С. Елеонский (вслед за самим Забелиным) взял заключительную запись писца — «конец хождению Саве большой славе» — и извлек из нее искусственное заглавие «хождение попа Савы». Между тем, в Тихонравовском списке заглавие есть. Сверив свой текст с другими, наш издатель избег бы, вероятно, и тех анекдотических слов, которые он внес в свой текст, а также разобрал бы с их помощью то, что осталось для него непонятным в Забелинском списке. Приведу наиболее яркие примеры.

В стихе «Сам хотя наг пойду, а вас шта бубнов поведу», С. Елеонский прочел в одно слово «штубубнов» и, отметив в скобках удивленное *sic!*, так и сохранил это изумительное чтение, которое все списки передают одинаково, с той только разницей, что одни пишут «што», другие «что». Далее — во «сне попа Савы» есть стих: «Хватился, ан нет, ни пула не стало»; слово пула издатель не прочел и помегил в скобках «неразб.». В том же «сне» у него получились непонятные фразы — «О есм поп Сава

дивился» — разночтение Тихонравовского списка «Сему поп...» показало бы, что издатель путает скорописные *e* и *c*, что он проделал и еще раз — в «смешном иконе»: «Радуйся Савы шея, что цепь великая звеня и муки еся», вместо «сея». От смешения скорописных начертаний получилась, вероятно, и несуществующая форма «боярщи холоп», вместо «боярски». Вместо я де издатель читает где; вместо я бедою — бедою; вм. да мов (правильная старая форма) — модернизованное дам ой; есть пропуски, напр., в стихе «хотя и наг пойду» опущено *х* о т я; вместо *х* попа дье — попа дье и т. д. Предисловие издателя предупреждает, что «в издании соблюдается правописание подлинника» (стр. 107), однако, вместо денги мы читаем деньги, вместо правильной формы дательного падежа ставленником — ставленникам, вместо сколка — сколько и т. д. Встречается произвольное деление на стихи: «што ныня зделалася великое чудо! Учинилася над долгим попом», — тогда как этот отрывок вполне естественно разбивается на такие стихи: «Што ныня зделалася Великое чудо учинилася Над долгим попом Над премым дураком». Приведенных примеров, полагаю, достаточно, чтобы оправдать вторичное издание той же повести, но уже по всем имеющимся спискам.

[Сказание о попе Саве и о великой его славе]*

Послушайте миряне и все православные христиане,
Што ныня¹ зделалася,² великое чудо³ учивилася⁴
Над долгим⁵ попом над премым дураком,
От Козмы и Домияна из за⁶ реки, а в приходе⁷ у нево богатые
мужики.⁸

А зовут ево попа Савою,⁹ да не мелак он¹⁰ славою.

Аще живет и за¹¹ рекою, а в церкву не нагою.

Люди¹² встают¹³ молятся, а он по приказам волочитца.

Ищет с кем бы ему потегатца и вперед бы ему с ним не видатца.¹⁴

Да он же¹⁵ по площади рыщет, ставленников ищет.

И много с ними говорит, за реку к себе монит.

¹⁸ У меня де ¹⁶ за рекою ¹⁷ стоите, а в церкви хотя и не поите.

Я де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.¹⁹

* Доб. из Т; здесь заглавия нет. 1—2 случилось Т; учинилось П, А. 3—4 сотворилось П. 5 глупым П. 6 доб. Москвы Т, П. 7—8 вси дураки А. 9—14 проп. П. 9—10 который не мал Т. 11 доб. Москвою Т. 12—13 в церкви богу Т. 14 здесь кончается сп. А. 15 доб. поп Сава П. 16—17 домою Т. 18—19 проп. П.

Аз вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю.
 Сам я ²⁰ Савушка ²¹ хотя и наг пойду, а вас шта бубнов поведу. ²²
²³ Людми он добрыми ²⁴ хвалитца, а сам от них пятитца.
²⁵ Как бы обмануть и за ²⁶ Москву ²⁷ реку стянуть. ²⁸
 По тех мест ²⁹ он ставленников держит, как они денги все издержут.
 А иных ³⁰ домои отпускает и рукописание на них взимает,
 Чтоб им опять к Москве приполсти, а ³¹ попу Саве ³² винца привести.
 А хотя ему хто и меду привезет, ³³ то с радостью возмет. ³⁴
 И испить любит, и как все выпьет, а сам на них рыкнет:
³⁵ Даром де у меня ³⁶ не гуляите, ³⁷ подите ³⁸ капусту поливайте.
³⁹ А когда он изволит спать, а ставленником прикажет баню топить. ⁴⁰
 И как ⁴¹ над ними ⁴² наругался, толко сам в беду попался. ⁴³
 Когда жена ⁴⁴ ему гаварила ⁴⁵ и о всем ему предвозвестила, ⁴⁶
 Лихо де им от тебя ⁴⁷ ныне потерпеть, а после ⁴⁸ де и сам от них
 станеш ⁴⁹ пердеть,
⁵⁰ Сколка тебе, Савушка, не жить, а галавою своею наложить.
⁵¹ Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час не забыть. ⁵²
 Глас ⁵³ божи ⁵⁴ глас народа. Где твоя, ⁵⁵ Савушка, ⁵⁶ порода,
⁵⁷ Тут твоя и рожа.
⁵⁸ Сколка ты не плутал, а ныне на цепь попал. ⁵⁹
 Добро бы ⁶⁰ тебе ⁶¹ не воровать, и добрых людей варами не называть.
⁶² Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели лежит.
 Кто к сему подобно не творит, тот все галавою наложит.
 Кто друга съедает, тот всегда сам пропадает.
 А кто за ябедою ганяетца, тот скоро от нея погибаетца.
 А кто за крамою ходит и как ему не вспитатца, толко у ворот ево
 никто не стучитца,
 А кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит,
 И там проститца и паки в дом возвратитца. ⁶³
 А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера побронился.

²⁰⁻²¹ проп. П, Т. ²² пушу Т. ²³⁻²⁴ с людьми он до росхулки П. ²⁵⁻²⁸ проп. П.
²⁶⁻²⁷ проп. Т. ²⁹⁻⁴³ проп. П. ³⁰ оных Т. ³¹⁻³² Савушке Т. ³³⁻³⁴ проп. Т. ³⁵⁻³⁶ хотя
 у меня будьте да Т. ³⁷⁻³⁸ пошедши в огород Т. ³⁹⁻⁴⁰ проп. Т. ⁴¹⁻⁴² той Савушка над
 ставленниками Т. ⁴⁴ попадья Т, П. ⁴⁵⁻⁴⁶ проп. Т, П. ⁴⁷ доб. Савушка П. ⁴⁸⁻⁴⁹ самому
 тебе будет П; будешь и сам Т. ⁵⁰⁻⁵² проп. П. ⁵² доб. Тропарь пона Савы глас 6 П; тропарь
 глас 6 Т. ⁵³⁻⁵⁴ той же П. ⁵⁵⁻⁵⁶ проп. Т. ⁵⁷ Хотя тебе непригожо П, Т. ⁵⁸⁻⁵⁹ проп. Т.
⁵⁸⁻⁶³ проп. П. ⁶⁰ доб. было Т. ⁶¹ доб. Савушка Т. ⁶²⁻⁶³ которы за тобою гонятся, и тому
 попадается. А кто заиграет и веселит, тот везде смело бродит, и крепко знатся не хочется.
 Ему спится и никто под окном не стучится. А кто к нему выдет и он с ним говорит да
 просит Т.

⁶⁴ Ответ попа Савы х попадье.

Поистинне ⁶⁵ ты ⁶⁶ попадьа не смыслеш и дела не знаеш.

И рад бы шол да простился, ⁶⁷ да со многими людьми разбронился,

Как мне не гулять, ⁶⁸ а от цепи не отлнить. ⁶⁹

Да ⁷⁰ прости ты, попадьа, слово твое збылося, ⁷¹ уже и приставы при-
волоклися.

⁷² И яко пса обыдоша мя ныне, толко не сыскать было им меня и во
веки. ⁷³

Сон попа Савы. ⁷⁴

⁷⁵ Мне начесь ⁷⁶ спалось, да много ⁷⁷ видилось. ⁷⁸

Пришли ко мне два анъела и говорят: много ⁷⁹ де ⁸⁰ у тебя, ⁸¹ поп, ⁸²
в мошне ⁸³ денег,

⁸⁴ Мы де их вынем, ⁸⁵ сочтем и в обтеку несем.

⁸⁶ Али ж я спал дома на перине, ⁸⁷ проснулся, ан уш в патриаршей ⁸⁸
хлебне на рогозине.

И хожу по хлебне покличу, ан ⁸⁹ с шелепом ко мне встречу.

И как бы я ⁹⁰ ево не умалил, ⁹¹ и он бы меня ⁹² шелепом прибил.

О сем поп Сава дивился, как он на цепи очутился,

⁹³ Денег у него в мошне было немало, хватился, ан нет, ни пула не
стало.

А мню те два анъела вытресли и положи ис обтеки назат не вынесли.

Горе мне дураку и великому бляткину сыну,

Что Сава на цепь попал и во веки пропал. ⁹⁴

⁹⁵ Его ж безумнаго попа смешной икос. ⁹⁶

⁹⁷ Радуйся шелной Сава, дурной поп Сава.

Радуйся в хлебне сидя, ставленнически сидне.

Радуйся, что у тебя бараденка выросла, а ума не вынесла. ⁹⁸

Радуйся, глупы папенцо, ⁹⁹ а ум имеши коротки. ¹⁰⁰

Радуйся, породны ¹⁰¹ русак, по делом воистинну дурак.

¹⁰² Радуйся, потриарша хлебня, видя тебя такова сидня,

Радуйся, Савы шея, что цепь великая звеня и муки сея. ¹⁰³

⁶⁴⁻⁷³ проп. П. ⁶⁵⁻⁶⁶ добро Т. ⁶⁷⁻⁶⁸ с кем вчера побранился. И как мне Савушке не плутовать Т. ⁶⁹ отгулять Т. ⁷⁰⁻⁷¹ слова твои, попадьа, збылись Т. ⁷²⁻⁷³ проп. Т. ⁷⁴ доб. болшня славы П. ⁷⁵⁻⁷⁶ мало мне П. ⁷⁷⁻⁷⁸ во сне вралось Т; вралось П. ⁷⁹⁻⁸⁰ ль де Т; ли П. ⁸¹⁻⁸² Савушка П. ⁸²⁻⁸³ проп. Т. ⁸⁴⁻⁸⁵ сем П; сем ка мы их Т. ⁸⁶⁻⁹⁴ проп. П. ⁸⁷⁻⁸⁸ а очутился в Т. ⁸⁹ доб. чернец Т. ⁹⁰⁻⁹¹ ни молился Т. ⁹² доб. сим Т. ⁹³⁻⁹⁴ проп. Т. ⁹⁵⁻⁹⁶ Кондак попа Савы П; Т(ропарь) г(лас) 4 Т. ⁹⁷⁻⁹⁸ Радуйся шелной Савушка дурной П; Радуйся Сава поп Т. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ непостриженое гуменце Т, П. ¹⁰⁰⁻¹⁰⁶ проп. П. ¹⁰¹ дорожны Т. ¹⁰²⁻¹⁰³ проп. Т.

Радуйся, ¹⁰⁴ вшивая ¹⁰⁵ глава, ¹⁰⁶ дурной поп Сава.

Радуйся, град Тула, что сидит ¹⁰⁷ Сава у великава стула.

¹⁰⁸ Радуйся, ¹⁰⁹ дурны нос, ¹¹⁰ на лес глядя рос.

¹¹¹ Радуйся, долги поп и ако боярски халоп.

Радуйся, з добрыми людми поброняся, а в хлебне сидя веселяся.

Радуйся пив вотку, а ныне и воды в честь.

Радуйся, хлебню посетив, и цепь просветив.

Радуйся и веселися, а дамов не торопися.

Радуйся, попа Савы спина, что хочет быти шеленина.

Радуйся, Сава глупой, и всей глупости твоей слава.

И везде про тебя дурная слава.

А на што тебе, Савушка, кондак, блядин ты сын и так.

Конец хождению Саве болшой славе.¹¹²

¹⁰⁴—¹⁰⁵ плешивая Т. ¹⁰⁶ *доб.* Радуйся Т. ¹⁰⁷ *доб.* поп П, Т. ¹⁰⁸—¹¹² Радуйся поп Сава наш. То те, Савушка, кондак и так ты дурак П. ¹⁰⁹—¹¹⁰ долги поп Т. ¹¹¹—¹¹² *прон.* Т.